

«Результаты состоявшихся длительных переговоров таковы, что нет победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Это — победа разума. Выиграли все: страны Востока и Запада, народы социалистических и капиталистических государств — участников союзов и нейтральных, малых и крупных. Это выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете».

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА на общеевропейском Совещании по безопасности и сотрудничеству.

ПОБЕДА

Торжественное открытие совещания.

Р А З У М А

Хельсинки. Дворец «Финляндия». На трибуне — Л. И. Брежнев.

ПОБЕДА РАЗУМА

Миллионы людей во всех уголках земного шара с неослабным вниманием следили за новостями из Хельсинки, где с 30 июля по 1 августа 1975 года проходил заключительный, третий этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, главная цель которого — содействовать превращению нашего древнего континента в континент мира и сотрудничества.

Впервые для обсуждения коренных проблем мира, безопасности и сотрудничества в Европе собрались руководители 33 европейских стран, США и Канады.

Третий этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — на высшем уровне — беспрецедентное событие в истории Европы да и всего мира. В самом деле, такого авторитетного форума еще не знала наша планета. Его значение определяется составом участников, оно определяется важностью решений, которые будут служить путеводной звездой для народов не только Европы, но и других континентов. Это подчеркивалось в приветственной речи Президента Финляндской Республики У. Кекконена, в приветствии генерального секретаря ООН К. Вальдхайма, в речах ораторов.

Огромный резонанс во всем мире вызвало выступление на совещании Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Заслуги Страны Советов в борьбе за безопасность Европы общеизвестны, как и большой личный вклад в эту борьбу Л. И. Брежнева. Все это еще более усиливало всеобщий интерес к глубокому и содержательному выступлению главы делегации Советского Союза.

Л. И. Брежнев отметил, что Советский Союз рассматривает результаты совещания не просто как подведение необходимого политического итога второй мировой войны, но и как осмысливание будущего применительно к реальностям сегодняшнего дня и многовекового опыта европейских народов. «На наш взгляд, суммарный итог совещания состоит в том,— заявил он,— что международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием. Именно материализация разрядки — вот в чем суть дела, суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым. И во главу угла мы ставим при этом задачу прекращения гонки вооружений, достижения реальных результатов в деле разоружения».

Генеральный секретарь ЦК КПСС особо подчеркнул одну из неоть-

емлемых черт внешней политики Советского Союза, ленинской политики мира и дружбы между народами — ее гуманизм. «Идеями гуманизма,— сказал он,— проникнуты решения XXIV съезда нашей партии, Программа мира, одним из пунктов которой был созыв общеевропейского совещания».

В заключение Л. И. Брежнев подчеркнул: «Мощный импульс, который дан этой встречей руководителей 35 государств — участников совещания, призван помочь всем в Европе и вне ее жить в мире».

Во время пребывания в Хельсинки Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел встречи и беседы с Президентом Финляндской Республики У. Кекконеном, Первым секретарем ЦК СЕПГ Э. Хонеккером, Президентом СФРЮ, Председателем Союза коммунистов Югославии И. Броз Тито, Президентом США Дж. Фордом, Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, Президентом Франции В. Жискар д'Эстэном, Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета Народной Республики Болгарии Т. Живковым, Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом Чехословацкой Социалистической Республики Г. Гусаком, премьер-министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо, премьер-министром Турции С. Демирелем, федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидтом, Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску, Президентом Республики Кипр архиепископом Макариосом, премьер-министром Нидерландов Й. ден Ойлом, Председателем Совета министров Италии А. Моро, премьер-министром Великобритании Г. Вильсоном.

Трехдневная работа в Хельсинки увенчала многолетние усилия миролюбивых сил Европы, в первую очередь социалистических стран, направленные на обеспечение прочного мира и безопасности на континенте, особенно жестоко пострадавшем от двух мировых войн. Путь в Хельсинки не был легким. Чтобы Европа могла твердо взять курс на разрядку и развитие международного сотрудничества, нужно было преодолеть инерцию «холодной войны» со всеми наслоениями и осложнениями, которые она с собой принесла. Созыв совещания и его триумфальное завершение явились достойным вознаграждением для всех, кто внес свой вклад в историческое дело международной разрядки.

Государственные и общественные деятели многих стран, широкие круги международной общественности, пресса в эти дни отдают должное Советскому Союзу, лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу за большую и целеустремленную работу по подготовке и осуществлению общеевропейского совещания, напоминая, что путь к его завершающему этапу был отмечен такими вехами, как подписание договора между Советским Союзом и ФРГ, визиты товарища Л. И. Брежнева во Францию, ФРГ, США, конструктивная роль СССР на подготовительных встречах.

Успех переговоров по безопасности и сотрудничеству в Европе пришелся не по вкусу сторонникам «холодной войны» из стана империалистической реакции и блокирующимся с ними маоистским провокаторам международной напряженности. Однако их пропагандистский арсенал убог и несостоятелен. В итоге переговоров нет победителей и побежденных, приобретших и потерявших. Это победа разума, выигрыш всех, кому дороги мир и безопасность на нашей планете. Отмечая выдающийся успех общеевропейского совещания, многие обозреватели рассматривают его итоги в проекции на другие районы земного шара, справедливо полагая, что мощный импульс Хельсинки будет распространяться по всему миру.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА и специальных корреспондентов ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2509)

9 АВГУСТА 1975

Заключительный акт совещания, торжественно подписанный в Хельсинки, охватывает широкий спектр самых актуальных проблем мира, безопасности, сотрудничества не только в области внешнеполитических отношений, но и в таких сферах, как торгово-экономический обмен, наука и техника, культура и защита окружающей среды. Политическая разрядка дополняется мерами по разрядке военной. Один перечень вопросов, относящихся к безопасности в Европе, и принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, равно как и другие разделы Заключительного акта, показывает, сколь фундаментальными и всеобъемлющими являются коллективные выводы совещания, основанные на опыте истории.

Теперь, когда общеевропейское совещание, созванное по инициативе СССР и других государств социалистического содружества, с успехом завершено, а Заключительный акт совещания — эта хартия мирной Европы — скреплен подписями высших руководителей 35 государств, есть все основания сказать: упорная, настойчивая борьба сил мира и реализма против сил реакции и «холодной войны» принесла реальные, многообещающие, весомые плоды. То, что завоевано в этой борьбе,— результат успешного развития разрядки, результат коллективных усилий государств, которые сумели сделать необходимые политические выводы из опыта истории. Итог встречи в Хельсинки — это победа всех, кто выбирает мир, а не войну, мирное сотрудничество, а не конфронтацию, созидание, а не уничтожение.

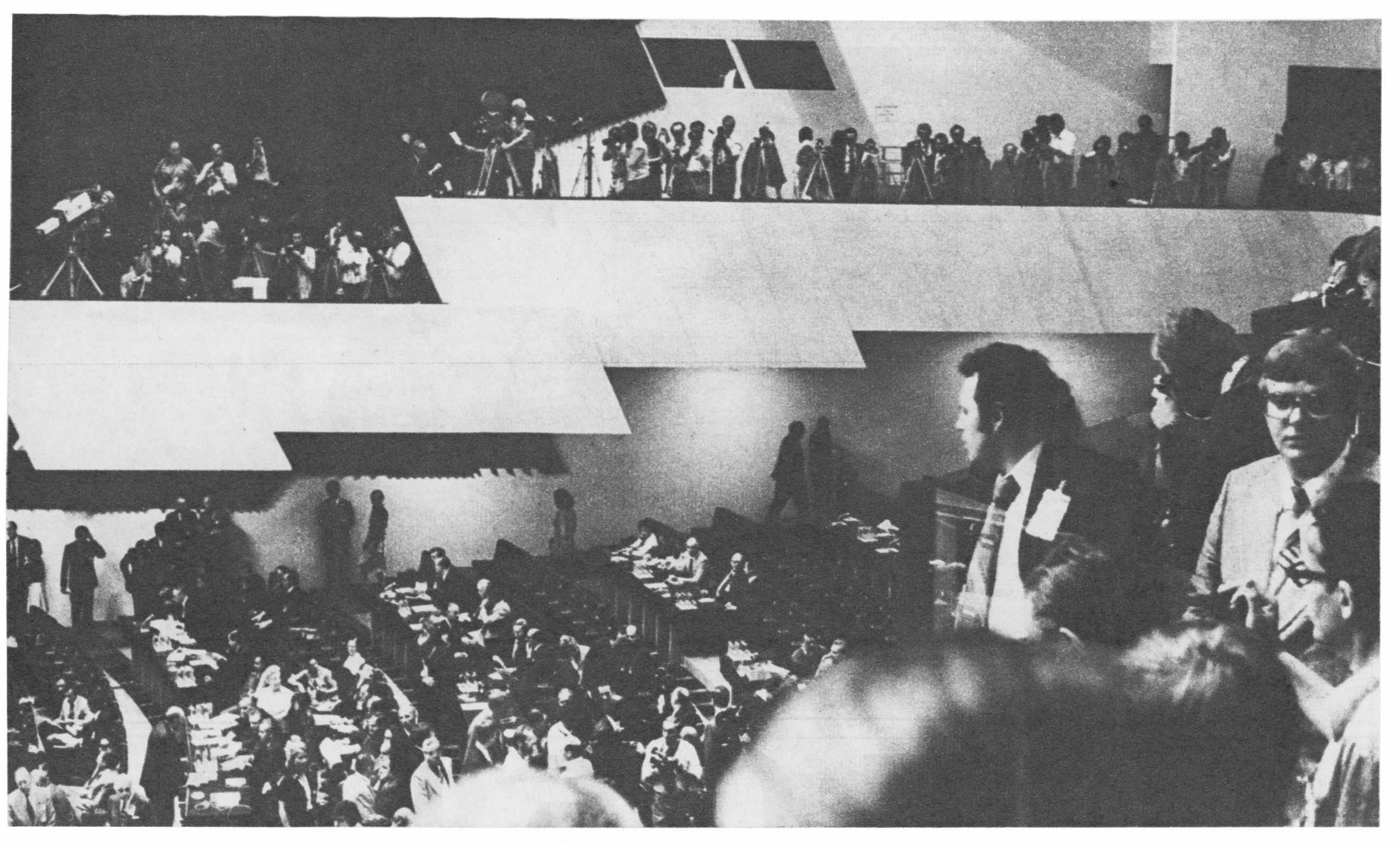
Работа крупнейшего международного форума завершена. Делегация Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, принимавшая в Хельсинки участие в заключительном этапе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2 августа возвратилась в Москву.

Жители Хельсинки сердечно приветствуют Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Делегация Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в зале заседаний.

ПОБЕДА

Подписание Заключительного акта.

Галерея прессы в зале заседаний дворца конгрессов «Финляндия».

Р А З У М А

Во время проводов на аэродроме делегации Советского Союза, отбывающей из столицы Финляндии в Москву.

Встреча на Внуковском аэродроме. Фото Дм. Бальтерманца.

ПОБЕДА

МЫ ДУМАЕМ О МИРЕ

Две войны у меня за плечами — финская и Великая Отечественная. Был я в ленинградской блокаде, воевал под Таллином, Кенигсбергом. Мы, моряки, сражались и на море и на суше, а в короткие часы передышек между боями, конечно же, говорили о мире, о том, какая замечательная жизнь начнется после войны... Все это вспомнилось мне, когда я слушал выступление Леонида Ильича Брежнева на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Разве могли мы тогда мечтать о том, что когда-нибудь представители европейских стран соберутся все вместе и договорятся о том, что никогда уже на нашем континенте не вспыхнут новые сражения? Нет, в то время мы думали только о победе, о спасении человечества от фашизма.

Мудрая внешняя политика нашей партии, неуклонно осуществляющей Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, привела к смягчению международной обстановки, к разрядке напряженности. И вот в Хельсинки подписан Заключительный акт, документ о мире, безопасности, сотрудничестве. Это историческая победа, победа сил мира. И победа эта радует всех советских людей.

А. МАРИНИН, формовщик Московского инструментального завода

ДИКТУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ДИКТУЕТ ЭПОХА

Под Заключительным актом, принятым Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, стоят тридцать пять авторитетнейших подписей. Символически же под историческим документом поставили подписи сотни миллионов людей, чья воля привела руководителей государств в Хельсинки, людей, чей разум вновь продиктовал главное требование эпохи: жить в мире, сотрудничать во имя прогресса и общечеловеческого счастья. И это дает основание полагать, что подписанный в финской столице документ будет иметь великую силу.

Советский Союз, страны социалистического лагеря внесли немалый вклад в дело укрепления мира, безопасности на континенте. Советские люди горячо благодарят нашу партию, Советское правительство, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева за последовательное претворение в жизнь ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем, за мудрое, целеустремленное осуществление Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Мы, ученые, всемерно поддерживаем внешнюю политику КПСС и Советского государства.

В Заключительном акте речь идет о широком круге актуальных проблем борьбы за мир, безопасность, сотрудничество в самых разных сферах. Нам, ученым, особенно радостно было читать те пункты документа, принятого в Хельсинки, которые открывают новые, широкие возможности для плодотворного сотрудничества во имя дальнейшего прогресса науки и техники.

В. КОМАРОВ, директор Института общей и неорганической химии АН БССР, член-корреспондент АН БССР

ПРАВО НА ИСТОРИЮ

Руководящие деятели тридцати трех европейских государств, а также США и Канады уже покинули Хельсинки. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе закончило свою работу. Встреча, подготовка к которой началась в «Диполи» в ноябре 1972 года, принесла результат, с которым издавна связывались надежды народов на мирное будущее Европы.

Ни один из многочисленных дипломатических шагов и ни один из международных конгрессов после войны не заслуживает в такой мере права называться историческим событием, как эта встреча.

Сам факт созыва совещания — это пример проведения в жизнь принципа мирного сосуществования государств. В то же время это лишь первый шаг на большом пути, потому что, как сказал Л. И. Брежнев, «сегодня это максимум возможного, а завтра это должно стать отправной точкой для дальнейшего продвижения в тех направлениях, которые открыты совещанием».

В ходе встречи в Хельсинки была практически доказана жизненность тех принципов, о которых договорились участники. Документ, подписанный здесь, является триумфом советской внешней политики, источник силы которой — ее гуманизм, сознание глубокой ответственности за судьбы народов. Успех совещания принес Советскому Союзу заслуженное уважение народов всего мира. Особо следует отметить личный вклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в торжество ленинской мирной политики.

Макс КАХАНЕ, главный политический обозреватель журнала «ХОРИЦОНТ» (ГДР)

ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Отмечая в этом году тридцатилетие победы антигитлеровской коалиции, мы вспоминали неисчислимые жертвы, которые принесла людям война. Естественно, еще тогда народы задумывались, будут ли из этого горького опыта сделаны выводы.

РАЗУМА

Когда над миром нависла опасность ядерной катастрофы, вопрос этот приобрел еще большее значение, особенно в Европе, где уже дважды вспыхивали мировые войны. Мир может быть прочным только тогда, когда не оспариваются границы, когда мирными методами разрешаются все спорные вопросы, когда ни одна страна не вмешивается во внутренние дела другой. Нарушение этих принципов приводило к войнам, к бесчисленным страданиям и жертвам.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, подтвердив документом огромного значения признание территориально-политической расстановки сил в Европе, доказало, что уроки истории не были забыты.

Успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе является результатом победы здравого рассудка также и в тех странах, где еще недавно государственная политика основывалась на принципах «холодной войны». Взяли верх реалистические тенденции.

Советский Союз и другие социалистические государства давно выступали с инициативой общеевропейской встречи на высшем уровне. То, что эта инициатива нашла отклик среди широкого круга стран, принесло успех совещанию.

Раздаются голоса, пытающиеся умалить значение совещания, утверждающие, что оно выгодно лишь одной стороне, то есть социалистическому содружеству. Но эти утверждения ни на чем не основаны. Такие принципы, как суверенное равенство государств, отказ от применения силы и другие, служат интересам всех народов. Как подчеркнул в Хельсинки Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Эдвард Герек, особое фундаментальное значение имеет принцип нерушимости границ, территориальной целостности государств.

Претворение в жизнь решений, принятых в Хельсинки, потребует участия всех государств нашего континента.

Леслав ТОКАРСКИ,
главный редактор польского еженедельника «ПЕРСПЕКТИВЫ»

ТРИУМФ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ

Успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — главная тема мировой печати, которая широко публикует Заключительный акт, подписанный высшими руководителями государств — участников совещания. Газеты, радио и телевидение всех стран, выражая мнение международной общественности, горячо приветствуют этот исторический документ. Продолжая комментировать выступление на совещании Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, видные государственные и общественные деятели, политические обозреватели высоко оценивают вклад Советского Союза в дело разрядки международной напряженности, развитие мирного сотрудничества на европейском континенте.

НЬЮ-ЙОРК. «Подписание документов совещания знаменует триумф политики разрядки напряженности между Востоком и Западом. Л. И. Брежнев на протяжении многих лет выступал в качестве горячего сторонника европейской безопасности и построения прочного здания мира на европейском континенте».

Ассошиэйтед Пресс.

ПАРИЖ. «Успешное завершение общеевропейского совещания на высшем уровне — это подлинно историческое событие. Заключительный акт совещания представляет собой беспрецедентный международный документ, утверждающий новые принципы отношений между государствами, основанные на равноправии, сотрудничестве и разрядке. Это первая в истории хартия, которая содержит твердые обязательства государств, направленные на то, чтобы исключить войну и насилие из жизни общества».

«Юманите».

БРЮССЕЛЬ. «В истории Европы никогда еще не было столь представительного международного форума с таким большим числом участников. Речь в Хельсинки идет не просто о формальном подписании документов, а о фактическом внедрении принципов сотрудничества и сосуществования государств в жизнь народов. Все согласны с тем, что совещание в Хельсинки — это не завершение, а скорее начало процесса, который должен в кратчайший срок привести к подлинному миру в Европе, что совещание должно способствовать дальнейшей разрядке напряженности и ускорить ход переговоров о разоружении».

Бельгийское телевидение.

АНКАРА. «Документ, подписанный в итоге совещания, которое состоялось благодаря инициативе Советского Союза, имеет огромное значение для закрепления положительных сдвигов в международной обстановке. Государства, которые поставили свои подписи под Заключительным актом, объединяются на базе принципа обоюдного невмешательства во внутренние дела и других не менее важных положений международного права».

«Джумхуриет».

КАИР. «Краеугольным камнем советской политики остается стремление к прекращению гонки вооружений и к миру во всем мире».

«Аль-Ахбар».

ДЕЛИ. «Упрочение европейской безопасности соответствует не только интересам Советского Союза и других социалистических стран, но и интересам капиталистической Европы. Больше того, улучшение обстановки на европейском континенте содействует укреплению безопасности в Африке, Азии, Латинской Америке.

Успех в Хельсинки означает сокращение военных расходов и использование высвобождающихся в результате этого ресурсов на цели развития во всем мире».

«Нэшнл геральд».

МАССОВОСТЬ И МАСТЕРСТВО

Председатель Спорткомитета РСФСР В. Д. АЛЕХИН отвечает на вопросы нашего корреспондента В. Викторова.

«ОГОНЕК» поздравляет спортсменов Российской Федерации с большой победой на VI летней Спартакиаде народов СССР. Первое место в ряду таких спортивных коллективов, как команды Москвы, Украины, Ленинграда, Белоруссии,— это большой успех. А какие места занимала команда РСФСР на пяти предыдущих Спартакиадах?

Большое спасибо за добрые поздравления. Призовые места на VI летней Спартакиаде народов СССР — действительно большой успех физкультурников и спортсменов Российской Федерации, выступавших на Спартакиаде тремя командами — сборным коллективом областей, краев и автономных республик, сборными командами городов Москвы и Ленинграда. Мы особенно горды успехом, так как нынешняя Спартакиада юбилейная: она посвящена незабываемой дате в жизни нашего народа — 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Особенно значителен успех сборного коллектива республики. Он не впервые завоевывает переходящие призы Совета Министров СССР. На первой и четвертой спартакиадах команда РСФСР занимала второе место, пропустив вперед дружную, хорошо подготовленную команду Москвы. На второй и третьей спартакиадах мы довольствовались третьим общекомандным местом, по традиции уступив первенство московским спортсменам, а второе место — городу Ленина. А затем на V Спартакиаде команда РСФСР заняла высшую ступеньку пьедестала почета.

Говорят, удержать звание чемпиона значительно труднее, чем завоевать его впервые. Но сборный коллектив областей, краев и автономных республик РСФСР подтвердил звание сильнейшего и в этом году и в дальнейшем не собирается сдавать свои позиции. Очень приятно, что рядом с нами находятся и две другие команды Российской Федерации — сборные городов Москвы и Ленинграда, занявшие второе и четвертое места.

«ОГОНЕК». Чем отличается последняя Спартакиада от предыдущих, как шла подготовка к ней, учитывая эту специфику?

Я уже говорил, что нынешняя Спартакиада — юбилейная, посвящена великой дате в жизни нашего народа. Имеет она и другие особенности. Одна из них состоит в том, что Спартакиада проводилась в тесном контакте спортивных организаций и комитетов ДОСААФ и ставила своей целью дальнейшее улучшение работы всех звеньев физкультурного движения, массовое привлечение трудящихся и учащейся молодежи к регулярным занятиям физической культурой и спортом и сдаче нормативов комплекса ГТО, всемерное развитие военно-технических видов спорта, улучшение военно-патриотического воспитания населения. Спартакиада проводилась под девизом «Готов к труду и обороне СССР».

Другая ее особенность — расширение программы соревнований, включение в нее новых видов, что дало возможность участвовать в Спартакиаде значительно большему числу молодежи.

Учитывая эту специфику, и шла подготовка сборного коллектива республики.

В течение двух лет в цехах, заводах, отделах, бригадах, классах, в коллективах физкультуры и первичных организациях ДОСААФ проходили массовые соревнования VI летней Спартакиады народов РСФСР, составной части Всесоюзной спартакиады. Во всех городах республики можно было увидеть большую эмблему нашей Спартакиады — величественную фигуру Воина-освободителя в обрамлении орденской ленты. Четыре этапа прошла Российская спартакиада на своем пути. Почти в ста городах республики шли территориальные соревнования, двадцать семь городов были свидетелями спартакиадных стартов финалистов. Более тридцати миллионов жителей республики стали участниками этого самого массового спортивного праздника.

По итогам участия в республиканской Спартакиаде — а первые места на ней заняли соответственно Московская, Ростовская области, Краснодарский край, Свердловская, Челябинская спортивные организации — был определен состав сборной команды областей, краев и автономных республик, который и пронес с гордостью спортивное знамя россиян на всесоюзном смотре.

Большую роль в тренировочном процессе членов сборной команды сыграли комплексные научные бригады. Коллективы сотрудников Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры, Омского, Краснодарского, Смоленского, Хабаровского институтов физической культуры всемерно помогали тренерам, и это принесло хорошие результаты.

«ОГОНЕК». Расскажите, пожалуйста, о ходе борьбы на Спартакиаде. Какой момент вы считаете решающим для успеха команды?

Хорошо выступили наши пятиборцы, пловцы, велосипедисты. Отлично финишировали шахматисты, тяжелоатлеты, прыгуны в воду, легкоатлеты. И все-таки выделить кого-либо особо очень трудно. Успех каждого был необходимой частичкой, принесшей победу всему коллективу.

«ОГОНЕК». В чем сила команды РСФСР?

Сила нашей сборной таится в самой основе физкультурного движения — в его массовости, его народности, обогащенных современной наукой и передовой практикой.

«ОГОНЕК». Каким успехом вы особенно гордитесь?

Сборная команда областей, краев и АССР Российской Федерации завоевала 13 переходящих призов Спорткомитета СССР за победы в отдельных видах спорта. И каждый из них нам дорог. Но особенно приятны призы, завоеванные командой впервые — на турнире самбистов, в состязаниях прыгунов в воду, пловцов и конников.

«ОГОНЕК». Как осуществляется в республике основной принцип физкультурного движения в нашей стране: массовость и мастерство?

Массовость и мастерство — основной принцип физкультурного движения в нашей стране, а следовательно, и в республике. И самодеятельные формы (секции, команды) и формы государственные (учебные программы в школах, техникумах, средних специальных учебных заведениях и вузах) имеют основной базой своего развития комплекс ГТО.

«ОГОНЕК». Чем помог в победе на Спартакиаде новый комплекс ГТО?

После выхода в свет Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о введении нового Всесоюзного комплекса ГТО в Российской Федерации была проделана значительная работа по его внедрению в быт населения. Достаточно сказать, что только в 1974 году ряды значкистов ГТО в РСФСР стали больше на 9 миллионов человек.

«ОГОНЕК». Какие новые спортивные центры возникли в республике за последние четыре года?

На спортивной карте республики уже давно нет белых пятен. Физкультурное движение растет изо дня в день. В нынешнюю пятилетку спортивное «хозяйство» Российской Федерации пополнилось сотнями новостроек.

Впервые дала чемпионов мира по фехтованию столица Татарской АССР — Казань. Прекрасных гимнастов растят во Владимире. Недавно мы были свидетелями подлинного триумфа 16-летней школьницы из Пензы Ирины Калининой, завоевавшей золотую и серебряную медали по прыжкам в воду на чемпионате мира по водным видам спорта. Отличных гимнасток воспитывают в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, велосипедистов — в Куйбышеве и Омске. Среди победителей VI летней Спартакиады народов СССР мы встречаем имена спортсменов из Магадана и Орска, Красноярска и Комсомольска-на-Амуре. В последние годы в подлинно лыжный заповедник превращается Коми АССР, где выросли Василий Рочев, Раиса Сметанина, Николай Бужуков и другие чемпионы.

«ОГОНЕК». Какие планы у спортсменов Российской Федерации на новое четырехлетие?

Мы ставим перед собой большие задачи. Во-первых, это — дальнейшее развитие массовых начал российского физкультурного движения, повышение его социально-общественной роли в решении главных задач коммунистического строительства. Во-вторых, особое внимание мы сконцентрируем на вопросах качественного состояния имеющейся спортивной базы с тем, чтобы были созданы наиболее благоприятные условия для занятий физической культурой и спортом широких масс трудящихся.

К VII летней Спартакиаде народов СССР мы планируем довести число физкультурников до 35 миллионов человек.

«ОГОНЕК». Каков будет вклад спортсменов Российской Федерации в олимпийскую команду СССР?

Самым внушительным. Если оглянуться назад и вспомнить отшумевшие олимпийские сражения XI белой Олимпиады в Саппоро, где советские спортсмены завоевали восемь золотых наград, мы увидим, что наибольший успех выпал на долю представителей областей, краев и АССР Российской Федерации. В неофициальном командном зачете они набрали 56,8 очка, москвичи — 50,5, ленинградцы — 12,7. А на Олимпиаде в Мюнхене 112 россиян (я имею в виду в том числе и москвичей и ленинградцев) были награждены олимпийскими медалями, в том числе 59 золотыми.

Готовясь к стартам в Инсбруке и Монреале, спортсмены Российской Федерации добились неплохих результатов. Только в прошлом году 381 человек выполнил высокие нормативы мастеров спорта международного класса. Они установили 227 рекордов мира, Европы, СССР. Да и успех на нынешней Спартакиаде свидетельствует об их все возрастающем мастерстве.

Все это позволяет нам надеяться на успешный исход олимпийских стартов.

А. Дейнека. ЮНОСТЬ.

ЭСТАФЕТА.

Е. Романова. ЛУЧНИКИ.

ПРАЗДНИК ПЕСНИ

На вопросы «Огонька» отвечает министр культуры Латвийской ССР В. И. КАУПУЖ.

«ОГОНЕК». Уважаемый Владимир Ильич, почти четырнадцать лет занимаете вы ответственный пост министра культуры; при вашем участии произошли немалые перемены в культурной жизни республики. Что, на ваш взгляд, является сегодня ее главной тенденцией?

В. И. КАУПУЖ. Однозначно определить эту тенденцию трудно, да и вообще вряд ли можно свести все бесконечное многообразие развития нашей культуры к одной, пусть даже емкой формуле. Непременное условие, которое ставит перед нами жизнь,— это соответствие культуры, которую мы несем в массы, стремительно растущему материальному и общеобразовательному уровню народа. Мы не имеем права останавливаться в пути: народ повседневно должен получать, если можно так выразиться, духовный эквивалент своего труда. Латвия добилась высоких экономических показателей, бурными темпами растут образовательный ценз, интеллектуальный уровень рабочих и тружеников села; у нас очень большая прослойка трудовой интеллигенции. Все это настоятельно требует от работников культуры полной мобилизации сил во всех областях — от эстетики быта до театральных подмостков.

Культура, однако, не просто стремится идти в ногу с растущими духовными запросами народа: она сама влияет на их формирование. При всем огромном разнообразии форм, средств, приемов, которые дает советское искусство художнику, цель его вполне конкретна: воспитание советского патриотизма и пролетарской солидарности, чувства интернационализма, что неизбежно стимулирует практику активного освоения художественных ценностей других братских народов, и в первую очередь русского.

«ОГОНЕК». Что вы считаете основным стимулом дальнейшего развития культурной жизни республики?

В. И. КАУПУЖ. Собственно говоря, высокий материальный уровень жизни, высокие духовные потребности народа — это ведь и есть основной стимул! А для самих деятелей культуры — осознание, истинно гражданское осознание того, что ты должен стоять на уровне подлинно народных запросов и непрерывно повышать этот уровень, обогащать народ.

«ОГОНЕК». Общеизвестно, что Прибалтика — край песенный, с издавна сложившимися традициями высокой музыкальной культуры. Как сегодня, в век научно-технической революции, складываются эти традиции?

В. И. КАУПУЖ. Вы знаете, они развиваются! И хорошо развиваются. Именно в советское время сложилась советская песенная традиция в области хорового пения. Начиная с 1948 года, когда мы отмечали 75-летие первого латышского праздника песни, эти праздники стали проводиться через каждые пять лет. В 1973 году состоялся праздник песни, посвященный 50-летию СССР, в 1977 году будем праздновать шестидесятилетие Октябрьской революции. В нынешнем году наше песенное празднество несколько отличается от обычного: это фестиваль народных хоров и танцевальных коллективов, посвященный 30-летию Победы над фашизмом. Праздник стал смотром лучших сил нашей самодеятельности.

Из года в год репертуар хоров становится все более идейно насыщенным, художественно совершенным, исполнительское мастерство технически усложняется. Сегодня объединенный хор выступил с финалом Девятой симфонии Бетховена; полностью прозвучали «Слава искусству» Скрябина, «Песнь о лесах» Дмитрия Шостаковича... Ну, и, конечно, как всегда,— народные песни.

«ОГОНЕК». А как публика воспринимает такие концерты? Аудитория на хоровых праздниках тысячная, а сложная музыкальная программа требует определенной подготовки.

В. И. КАУПУЖ. Во-первых, публика у нас благодаря песенным традициям действительно подготовленная. А, во-вторых, когда поют даже два хора, набирается полный зал болельщиков за «своих» певцов. Здесь и родственники и друзья. У нас любой коллектив имеет постоянный круг слушателей, хорошо знающих репертуар, любящих музыку.

«ОГОНЕК». Видимо, в Латвии сложилась целая система организации народных хоров?

В. И. КАУПУЖ. Да, конечно. Только здесь определение «народный» надо отличать от определения «самодеятельный». Для любого самодеятельного театра, хора, танцевального ансамбля титул «народный»— примерно то же, что для профессионального театра звание «академический». Имеет это звание не всякий коллектив, и путь к его завоеванию вовсе не прост. В республике существует целый регламент, по которому присуждается это высокое звание. Хор, например, должен работать не менее десяти лет, готовить не менее двух полнометражных программ в год. И только в том случае, когда на республиканском смотре он получает высокую оценку, коллегия Министерства культуры и республиканский совет профсоюзов присваивают коллективу звание «народный хор». Кстати, оно может быть и отнято в силу тех или иных причин. Было решено, что коллектив, имеющий звание народного, получает материальное обеспечение; оплату труда хормейстера и концертмейстера берет на себя государство. Порядок этот подсказала сама жизнь. Ведь, что греха таить, зачастую получалось так, что самым богатым клубом был тот, где самодеятельность сводилась к нулю, уступая место самой доходной статье— танцам. Вот и выходило, что чем лучше шла работа, тем больше возникало финансовых затруднений. Теперь стимул моральный подкрепляется материальным.

«ОГОНЕК». Как вы считаете, Владимир Ильич, не мешает ли технический прогресс самодеятельному творчеству? Не уступает ли оно своих позиций — может быть, частично — транзисторам, магнитофонам, электрогитарам?..

В. И. КАУПУЖ. Судя по тому, как буквально на глазах идет омоложение народных коллективов, опасаться за самодеятельность не приходится! Недавно у нас был смотр художественных коллективов сельскохозяйственных училищ. Какая одаренность, сколько выдумки и увлеченности! Наше министерство тесно связано с министерствами просвещения, высшего и среднего специального образования, сельского хозяйства, с Комитетом по профессионально-техническому образованию. И это не формальный союз. Активное, живое отношение к искусству в вузах, техникумах, ПТУ оставляет след на долгие годы. Мы считаем, что люди, приобщенные к художественному творчеству в юности, неизбежно принесут свою увлеченность на работу, обогатят духом понимания искусства своих товарищей по труду... И вот еще одно любопытное для вас наблюдение. Лучшие наши коллективы везут свои программы в Москву, в Сибирь, во все республики, часто выезжают на гастроли за границу, и везде их принимают с не меньшим интересом, чем профессионалов. Значит, живое участие самодеятельных актеров, певцов, танцоров в творчестве, как и зрительское восприятие его, растет, а не умаляется.

Фото Гунара ЯНАЙТИСА.

Теперь о «поп-музыке». На мой взгляд, то, что она несколько лет назад набрала такую «силу», особенно на Западе,— явление, увы, закономерное. Это было реакцией на музыку, потерявшую свою фольклорную и интонационную суть; примат технологических поисков, экстремизм привели к выхолащиванию эмоционального начала. Такая музыка не трогала душу. И образовавшийся вакуум стала заполнять мелодически примитивная, но доступная «шлягерность»... Сейчас идет обратный процесс. Концерты эстрадных ансамблей, певцов, на которые недавно молодежь просто ломилась, сегодня зачастую проходят при полупустых залах. Публика стала более искушенная, требовательная, принимает безоговорочно эстраду только высокого класса. А молодежь — да это просто в глаза бросается!— резко повернула к классике. Придите на органный вечер в Домский собор — почти сплошь молодые лица! Хотя здесь тоже, как ни жаль, придется сделать скидку на моду. Леннон, Маккартни — сегодня это кумиры школьников. Те, кто постарше, тянутся к Баху, Генделю, Стравинскому... Но, думается, постепенно классика все же заденет души глубже, чем биг-бит. И потом — не все является позой и у молодежи: кто-то ведь действительно постигает красоту классики. Ну, а электрогитары... Здесь инерция еще держится крепко. Играют чаще плохо, а главное, очень громко. Причем и в этой инерции много коммерческих мотивов. Ансамбли расторопные, мобильные, невзыскательные, — лишь бы заработать!.. Меры к ограничению их «звучности» приходится применять и разъяснительные и более суровые. Будем надеяться, что это даст результаты.

«ОГОНЕК». Скажите, пожалуйста, как готовит республика свои профессиональные кадры по искусству?

В. И. КАУПУЖ. Латвия насыщена сетью художественных учебных заведений. Два вуза: Государственная латвийская консерватория, где, кроме музыкальных факультетов, есть и театральный и заочное отделение, которые объединяют целый конгломерат специалистов, и Академия художеств. Здесь готовят не только будущих живописцев, графиков, скульпторов, но художников по текстилю и керамике, дизайнеров. При каждом из этих вузов есть базовая школа-десятилетка, где учатся особо одаренные дети.

У нас по всей республике очень пропорционально расположены три училища прикладного искусства, семь музыкальных, а также хореографическое училище. Есть техникум культурно-просветительных работников, пятьдесят детских музыкальных школ. И все же специалистов не хватает. Мы поставили перед собой такую цель: в каждом районе должен быть свой народный — а вы помните его ста-

тут? — коллектив. Пока же таких коллективов в Латвии хоть и много, но распределены они неравномерно, что зависит от многих факторов — объективных и субъективных...

«ОГОНЕК». А что нового в вашей республике в области изобразительного искусства?

В. И. КАУПУЖ. Мне кажется, сила латышского изобразительного искусства в органичном переплетении творчества художников разных поколений. И профессора-классики и молодые художники позволяют увидеть на своих полотнах многоликость стилей, школ, манеры письма... Рядом с живописью, графикой и скульптурой бурно развиваются прикладные искусства. Я воспринимаю эту тенденцию как новый качественный показатель стремления масс к высокой бытовой культуре. Наступило время возрождения гобелена, часто тематического. На последних выставках даже знатоков поражает великолепие работ в керамике, стекле, металле...

«ОГОНЕК». Латвийская ССР знаменита своими театральными и кинорежиссерами, актерами. Гастроли ваших театров вызывают постоянный интерес во всех уголках страны. Какие проблемы стоят сегодня перед драматическим театром Латвии? И какие проблемы театр несет в жизнь?

В. И. КАУПУЖ. Много неотложных задач, которые стоят сегодня перед драматическим театром. Это и развитие оригинальной латышской драмы и постановка пьес русских и многонациональных советских авторов... Обязательно обращение к мировой классике, включая античную. Ведь каждое поколение зрителей имеет право видеть в театре все лучшее.

Оригинальную советскую латышскую драматургию сегодня особенно волнует процесс формирования молодого поколения, наделенного высокими этическими идеалами социалистического гуманизма, патриотизма. Многие драматурги обращаются к проблемам, стоящим перед деревней. Здесь есть темы, на первый взгляд всего лишь локальные, например, проблема хуторов. Современный колхозный уклад предполагает объединение крестьян в больших благоустроенных поселках. Молодежь идет на это с радостью, а старикам трудно оторваться от своего гнезда, прадедами еще устроенного, пусть и одряхлевшего. Часто именно такие темы выявляют дарование драматурга...

«ОГОНЕК». Как вы считаете, существует ли взаимосвязь между уровнем мастерства профессиональных деятелей искусства и общим культурным уровнем народа?

В. И. КАУПУЖ. Несомненно. Это ведь процесс взаимосвязанный; трудно найти начало одного и конец другого. В наших условиях искусство профессиональное — это уже культура масс.

«ОГОНЕК». В заключение — вопрос более личного характера. Что для вас наиболее привлекательно в сегодняшнем искусстве и что вызывает антипатию?

В. И. КАУПУЖ. Если позволите, я начну с последнего. Не люблю бездумного подражания любому, пусть самому модному течению в искусстве. Мои симпатии всегда на стороне художника пытливого. Такого художника, который жаждет путем смелого творческого поиска проникнуть в гущу современной ему жизни, стремится своим трудом ускорить поступательное движение нашего социалистического общества.

АБИТУ

З. ХИРЕН

Да, это штаб по трудоустройству молодежи, но толпятся в нем с утра допоздна главным образом мамы и папы абитуриентов.

— Поймите, он слабенький,— твердит родительница.

— Она еще совсем ребенок, какая там стройка,—вторит ей другая.

— На завод?! Побойтесь бога... Его от книг не оторвать, ночь напролет читает... Очки пришлось заказывать.

Признаться, подобные просьбы родителей меня нисколько не удивили. Не раз наблюдал я, как к концу учебного года некоторые отцы и матери будущих абитуриентов устремлялись на поиски репетиторов для своих детей. Даже выработался термин «от столба», то есть по уличным объявлениям. При этом речь шла не о выпускных экзаменах в школе, а о вступительных — в вуз. Предпочтение отдавалось не мнению опытных школьных педагогов, а случайным людям, повышенный интерес проявлялся к тем репетиторам, которые якобы досконально знают, чему в каком вузе придается особенное значение на экзаменах. Истинные возможности и способности выпускников во внимание не принимались. А там — недобор очков. Так возникло племя вечных абитуриентов.

Да, ничего нет плохого в стремлении родителей помочь ребятам учиться. Юношей и девушек, хорошо подготовившихся к поступлению в вуз, остается лишь приветствовать. Но когда затянувшееся абитуриентство ведет к потере многих лет, которые можно было посвятить приобретению профессий, это, безусловно, проблема. И большая. О том, как ее разрешает наиболее сознательная часть школьной молодежи, мы и хотим поговорить.

Среди студентов ряда столичных индустриальных институтов я, работая над репортажем, повстречал немало вчерашних учащихся ПТУ и техникумов. Все они до поступления в вуз успели поработать на заводах, фабриках, шахтах, стройках, избрав затем институты, близкие их специальностям, их способностям, наклонностям. Значит, есть другой путь к высшему образованию, и пренебрегать им нельзя. Новизна и неожиданность обстоятельств вызвали у этих ребят не уныние, а скорее смелость, твердость, решительность. Все они воспользовались тем, что представилась возможность им, юным гражданам, самостоятельно решать и отстаивать свое место в трудовом строю. Речь идет не о противопоставлении профтехнического среднего образования высшему, а о сочетании всех видов обучения. Пример знатного сталевара Василия Семеновича Кирьяна, о котором речь будет позже,— лучшее тому подтверждение...

— Девушка, пожалуйста, будьте любезны, покопайтесь хорошенько в своей картотеке, моему-то надо что-нибудь поинтеллигентнее.— Эта просьба обращена к Людмиле Крыловой, бригадиру маляров, оказавшейся в штабе совершенно случайно: забежала к работающему там мужу.

Крылова-то могла бы при желании ответить на этот вопрос, но она лишь улыбается.

— Поинтеллигентнее? — переспросила не без иронии.— Тогда лучше всего вам пойти на улицу Яблочкова, там готовят исключительно интеллигентных людей.

Между тем сами абитуриенты в это время стоят наискосок от штаба, возле киоска с мороженым. Стройные, красивые здоровяки, хорошие ребята. Курят, смеются, лакомятся пломбиром. Абитуриентство этих ребят явно затянулось. Некоторые уже третий год после получения аттестата зрелости пытаются поступить в вуз, и все не удается набрать очки. Многие за это время ушли в армию, а остальные, что называется, застряли, завязли... А точнее, вместе с «предками», как принято иногда именовать родителей, выбивают справки, которые понадобятся при очередной попытке поступить в институт: засидевшиеся в абитуриентах должны предъявить справку с места работы. Вот откуда и стремление получить работенку полегче, «поинтеллигентнее», как выразилась упомянутая мама. Ведь не о приобретении профессии заботятся многие, а всего лишь о бумажке, которая позволит еще год бить баклуши, тянуть лямку, «переживать».

Улица Яблочкова, упомянутая Людмилой Крыловой, неподалеку. По правде говоря, никакой иронии в словах Люды не было, когда она сказала об интеллигентных профессиях. Вряд ли можно было бы выбрать столичную улицу с названием более удачным для училищ, учебных комбинатов, спецшкол, техникума, автомобильной школы. Все они расположены здесь, на улице, которую можно смело назвать улицей подготовки современной рабочей интеллигенции. Словом, у знаменитого русского изобретателя Павла Николаевича Яблочкова тут множество не просто почитателей, но и учеников. Одновременно со средним образованием ребята получают профессию. С удовольствием покажут они вам кинотеатры, больницы, школы, жилые дома, в сооружении которых самое непосредственное участие принимали выпускники ПТУ с улицы Яблочкова. Не без гордости дадут прочитать письма сверстников, уехавших после окончания училища на БАМ, защищать престиж своих профессий.

...Недавно я присутствовал на совещании, где шла речь именно о таких вот ребятах. Около 13 миллионов выпускников техникумов и училищ трудятся сейчас на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, на стройках, в учреждениях культуры, просвещения и здравоохранения. Один из участников совещания, ныне министр автомобильной промышленности СССР Виктор Николаевич Поляков, рассказал об этих ребятах, точнее, о специалистах со средним техническим образованием.

— От рабочего на производстве сейчас требуется высокая общеобразовательная и техническая подготовка. Он должен уверенно разбираться в схемах и чертежах. Вот вам пример. Многие руководители капиталистических автомобильных фирм, побывав у нас на ВАЗе, спрашивают, как удалось нам в столь короткое время создать коллектив, успешно справляющийся со сложной техникой. И мы отвечаем, что достигли всего благодаря высокому уровню культуры молодежи,— большинство наших рабочих имеют среднетехническое образование.

Так вот, Людмила Крылова своей целеустремленностью и твердостью в решении этих проблем может заинтересовать любого из нас. Начало ее пути ничем не отличается от судьбы тех, кого я увидел возле киоска с мороженым. Правда, обращаться в штаб по трудоустройству молодежи не пришлось. Окончив десятилетку, Людмила сразу же подала документы в медицинский институт. Родители считали, что это ее призвание. Держала экзамен, но, как со многими бывает, не добрала очков. Мать жалеючи сказала:

— Ничего особенного, доченька, не случилось. В конце концов можно подождать и год и два.

Словом, Людмиле была уготована участь этих вот ребят.

Некоторые ее сверстники и сверстницы, друзья и подруги по школе, которым так же не повезло, как и ей, покорились. Стали ждать. Правда, иным девочкам не хватило, как говорится, характера, и они вскоре начисто забыли недавние мечты о профессии врача, геолога, инженера. А как поступила Люда? Со средним образованием, хорошими школьными оценками она подала заявление в ПТУ. Над Людой смеялись подружки, приятели. Они упорно придерживались мнения, что ПТУ дает образование, так сказать, второго сорта и туда идут лишь те, кто неспособен к наукам. Мать Людмилы от огорчения захворала, не могла примириться с тем, что дочь погубила свою карьеру, и написала в Москву слезное письмо брату. Она просила «устроить» Люду. Брат, в прошлом шахтер, а сейчас работник министерства, быстро отозвался. И вот Люда в Москве. Она немало наслышалась о студентах и студентках, которых однокашники называют «позвонками», и, увидев,

РИЕНТЫ

Людмила Крылова и Надежда Андрейко. Фото А. БОЧИНИНА.

что дядя тоже собирается кому-то звонить по телефону, запротестовала.

— Дурочка,— ухмыльнулся дядя,— не собираюсь я тебя определять в «позвонки»...

И действительно, он просто справился по телефону, в какое ПТУ лучше всего направить Люду. Он был заодно с племянницей.

— Оставайся в Москве,— сказал он ей.

— Но зачем? — удивилась та.— Ведь ПТУ есть и у нас, в Макеевке. Я уже подала заявление.

— Правильно, — согласился он,— но там тебя с утра допоздна будут пилить, не дадут учиться, а тут мы создадим все условия.

У бывшего потомственного шахтера и у его племянницы, дочери потомственного шахтера, оказался один подход к насущным проблемам дня.

Так Людмила, еще недавно собиравшаяся учиться на врача, поступила в ПТУ, где готовили маляров.

Тут я позволю себе прервать на некоторое время рассказ о Людмиле Крыловой и вкратце сообщить о ее земляке, тоже уроженце Макеевки, студенте вечернего отделения Макеевского металлургического техникума, Герое Социалистического Труда Василии Семеновиче Кирьяне, с которым я познакомился на том же совещании, где выступал министр автомобильной промышленности СССР В. Н. Поляков. Несмотря на разницу в годах, профессиях, я нашел много общего в характерах, жизненных позициях Крыловой и Кирьяна.

Кирьян до начала Великой Отечественной войны успел окончить всего три класса начальной школы. В войну потерял мать и отца. В 1946 году поступил в Ждановскую школу ФЗО № 103, затем работал слесарем-монтажником по восстановлению металлургических заводов Донбасса; с 1952 года — подручным сталевара, а с 1957 года — сталеваром. Профессия сталевара осваивалась Василием Семеновичем трудно, но уж больно пришлась ему по душе. Между тем он скоро убедился, что без образования работать на современной мартеновской печи невозможно. Пошел учиться в вечернюю школу, окончил восемь классов. Полегчало. Но произошла реконструкция мартена, и Кирьян понял, что восьми классов для современного сталевара мало. Это и привело его в техникум, в котором он учится сейчас, а вместе с ним и его бригада сталеваров.

Конечно, «сложности» Люды Крыловой по сравнению с тем, что пережил Кирьян, могут показаться пустячными. Родилась она после войны, и о том, что довелось испытать нынешнему знаменитому сталевару, Герою Социалистического Труда Василию Семеновичу Кирьяну, она знает лишь из книг, теле- и кинофильмов. Но все же стоит задуматься над тем, как Крылова справилась с первыми сложностями, что встретились на ее пути. Сама Люда, когда я с ней разговаривал на эту тему, мотивировала все тем, что не представляет, как здоровый молодой человек может годами сидеть на шее родителей, жить без трудового коллектива и ждать «красивой карьеры». И, признаться, я был немало удивлен, когда Крылова процитировала Герцена: «Цепкая живучесть человека всего более видна в невероятной силе рассеяния и себяоглушения». Именно эти слова, по ее мнению, можно адресовать некоторым абитуриентам.

— Знаете,— призналась мне Люда,— я немало слез пролила сначала на этой самой улице Яблочкова. Но я понимала, что профессия, квалификация — главное для человека, и поступила в ПТУ, убежденная, что сделала правильный выбор. Но мне было там тяжело. И скучно. Тяжело потому, что я оказалась одна, вдали от родной Макеевки, родной семьи, скучно потому, что для других уроки были новинкой, ведь они поступили в ПТУ после восьмого класса, а для меня — пройденным этапом. Я сюда пришла с аттестатом зрелости. Оставаясь одна, я немало горевала. Но так длилось недолго. Подбодрила меня мастер малярного дела, которая и нас учила и сама училась в техникуме. Избрали меня заместителем секретаря комсомольского комитета. Словом, произошло то, что не могло не произойти. А в это время, уже получив разряд, я возглавила бригаду маляров. Ходила по квартирам белить кухни и места общего пользования. Ну что вам сказать, сами знаете, как выглядит наш брат, маляр, на работе. Роба в известке, грязные ботинки. Придешь в иную квартиру, и разговаривают с пренебрежением.

После работы упорно занималась и мысль о продолжении образования не оставляла. Ну, конечно, не скажешь хозяйкам, что собираюсь в институт. Им кажется, что если такая молодая девушка ничего лучшего для себя не нашла, как малярную кисть, значит, невелики ее таланты. Что же, встречаются у нас и такие... Но я, кажется, отвлеклась от темы, интересующей вас.

Спрашиваю у Люды, как сложилась ее общественная работа после окончания ПТУ.

— Как сложилась? Выбрали меня депутатом Тимирязевского райсовета Москвы. Представляете себе? То я сама билась над своими нерешенными проблемами, а то ко мне идут избиратели со своими проблемами. Один никак не может решить своих взаимоотношений с женой; другой просит помочь с квартирой; третий пришел со служебными неурядицами. И это все ко мне, вчерашней учащейся ПТУ. Стараюсь проникнуться чужим горем. Но надо не просто вникать, а помогать... А как появится свободный час — учебник раскрываю. Завтра зачеты в институте. Вот так-то!

В заключение Крылова посоветовала мне познакомиться с одним из членов ее бригады — Надеждой Андрейко.

— Знаете, она вам больше меня расскажет, ведь я в ПТУ училась всего год, а Надя — три, пришла туда после восьмого класса. Когда встретитесь с ней, обязательно спросите: почему предпочла техникум институту? Надя окончила то же ПТУ, что и я, но с отличием. Получила четвертый разряд и право, работая, на поступление в институт родственной специальности вне конкурса. И, представьте, предпочла техникум. Но я не буду распространяться, пусть сама все вам объяснит...

* * *

— Входите, входите,— приглашает меня девушка невысокого роста, худенькая, хрупкая, в халатике поверх платья.

Это была Надя Андрейко, маляр четвертого разряда, студентка II курса вечернего строительного техникума. Вот вкратце ее биография. В ПТУ приехала из села Песцы, Новоушицкого района, Хмельницкой области. Было ей тогда 14 лет. Окончила 8 классов. Почему не пошла в девятый? У них в селе нет десятилетки. А средняя школа далеко от Песцов. Московская родственница предложила приехать к ней и продолжить образование. Так и возникло решение поступить в профессионально-техническое училище. Училась в ПТУ так же хорошо, как и дома, в Песцах. Решила стать маляром. Увлекли ее тайны цветоведения, семи цветов солнечного спектра. Ведь это родоначальники колеров. А «колер» — самое ходкое слово у маляров.

Незаметно переходим на разговор о главном — почему Надя предпочла техникум институту.

— Почему?— удивленно глядит Андрейко.— Да очень просто. Хочу стать мастером. И техникум мне ближе.

Смотрю на хрупкую девчушку и, признаться, никак не могу себе вообразить ее в роли мастера, да еще малярного дела. Да к тому же совмещающего работу с учебой. Четыре раза в неделю по вечерам ездит на занятия.

Мастер в профессионально-техническом училище у Нади вызвал интерес к профессии.

— А мастер, сам-то он учится?

— Как же, уже перешел на второй курс педагогического института имени Ленина. Мастер — ведь это тот же педагог.

— А вы, Надя, не думаете последовать его примеру?

— Что вы,— смущается Андрейко,— об этом пока рано говорить!

— Родители одобряют вашу профессию?

И вместо прямого ответа она рассказывает, как она принимала вот в этой комнате общежития своих родичей, как водила их по Москве, показывала столицу, в том числе и дома, стен которых коснулась ее кисть, кисти бригады маляров Людмилы Крыловой...

* * *

Я назвал репортаж «Абитуриенты», имея в виду смелых и решительных, целеустремленных парней и девушек, твердо верящих, что настоящая, трудовая жизнь начинается не после получения аттестата зрелости, не после диплома о высшем образовании. Начинается она лишь тогда, когда появляются у человека профессия, квалификация, которые, как вы могли убедиться, прочитав эти строки, нисколько не мешают получить и среднее и высшее образование. Счастливой им дороги!

Г. РОЗОВ. Фото автора.

НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА ПЛЮС 30

Над стадом оленей тень вертолета.

Нелегко бывает отрешиться от привычных представлений. Так получилось у меня с Верхоянском. Мало я знал о далеком северном городе. Но знания эти были вполне определенными и складывались в столь же определенный образ. Что знал! Во-первых, то, что лежит город к северу от Полярного круга, в девятистах километрах от Якутска. И, вовторых, что это одно из самых холодных мест на земле. Потому, как только пред-

Маша Слепцова из ансамбля «Северный подснежник».

ставилась возможность побывать в Верхоянске, я прежде всего запасся теплыми вещами. А дело-то было летом.

Уже в районном центре Батагае, откуда предстояло лететь в Верхоянск, я посмеялся над собой: Батагай встретил тридцатиградусной жарой. «В Верхоянске, небось, похолоднее?» — с надеждой спросил я летчиков. «Отчего же? — ответили они.— Там тоже тепло».

Из иллюминатора «аннушки» открылся взору мир озер и рек, слепяще блестевших под солнцем. Яна вилась затейливыми петлями, и сочно зеленеющий лес полосками изгибался вдоль реки. Спутники рассказали, что древесина в тайге неделовая,— растет тайга на болотах, но много зверья, и зимой население Верхоянска отправляется на охоту — добывают белку, горностая, соболя. Еще узнал я, что «аннушка» по здешним расстояниям самый привычный транспорт. Молодежь в конце недели даже на свидания летает.

Вот и Верхоянск. И снова неожиданность: издали он представлялся суровым, неярким, а тут — вдоль улицы выстроились рубленые дома, окрашенные в голубые и охристые тона. В центре города — ледниковое озеро, пронзительно синее, в чистом его зеркале весело отражаются домики. Тротуары ровные, деревянные, позади домов тянутся коробы, в которых скрыты трубы водопровода. По улицам снуют куры, привычно шарахаясь от автомобилей.

Председатель горисполкома Пелагея Егоровна Горохова сообщила, что в Верхоянске живет 2 200 человек. 585 ребятишек — питомцы средней школы-интерната, где учатся и дети из пригородного совхоза. Интернату уже сто лет. Особо Горохова отметила, что пятьдесят одаренных детей занимаются в музыкальной школе.

— Пелагея Егоровна, а где бы вы посоветовали побывать? Что, по-вашему, лучше всего характеризует сегодняшний день Верхоянска?

— Иначе говоря, направить вас по точным адресам? — улыбнулась Горохова.— Извольте. Советую поинтересоваться метеостанцией. Тут вам и прошлое Верхоянска и нынешний день. Метеостанция самая старинная на севере, ей почти сто лет. Стоит заглянуть в совхоз «Верхоянский» — у нас это единственное крупное хозяйство. И, наконец, зайдите в кумысолечебницу...

По дороге на метеостанцию я остановился у обелиска на улице Кирова. Его открыли в 1969 году, на том самом месте, где за сто лет до того были впервые проведены метеонаблюдения. На обелиске среди прочих надписей и такая: «Полюс холода».

— Правда, теперь наш город уже не считается абсолютным полюсом холода,— говорит руководитель станции молодой метеоролог Виктор Иванович Фурцев.— Очень низкие температуры отмечались и в Оймяконе. Но как бы то ни было, условия у нас весьма суровые. Зимой холод до костей пробирает. Человек непривычный быстро обморозится.

Суровые условия, скажу уже от себя, не мешают работе станции, которая ведет гидрометеорологическое обслуживание всего здешнего народного хозяйства. Основные ее «клиенты» — авиация, речники Яны, совхозы, автотранспорт. Прогнозы и предупреждения передаются по радио. В центре города установлена витрина погоды.

Верхоянская станция держит первое место на севере по высоте полетов радиозондов—они поднимаются до 48 километров. Я видел, как ловко запускает зонды техник-аэролог.

— Нравится вам тут?— спрашивал я работников станции.

— Да,— отвечали они.— Люди у нас дружные, оборудование современное. А погода... Что же, мы от нее неплохо защищены. У нас условия не те, в которых пришлось работать Худякову. Вот был человек!

Да, недаром это имя известно теперь всему краю. Арестованный в 1866 году за участие в покушении на Александра II, Худяков был сослан на вечное поселение в Верхоянск. «Вечность» оказалась недолгой: вскоре Иван Александрович тяжело заболел и в 1876 году умер.

Лишенный какой бы то ни было поддержки, Худяков четырнадцать месяцев в ужасных условиях вел каждодневные наблюдения за погодой, став первым метеорологом Верхоянска и первооткрывателем полюса холода. Он же собрал народные приметы погоды, составил «Якутскую грамматику», русско-якутский словарь, «Краткое описание Верхоянского округа», по его инициативе в городе открылась школа. Как был бы счастлив Худяков, если б только мог увидеть нынешний Верхоянск, расцвет здешних мест, о котором, наверное, мечтал морозной зимой столетие назад...

Ночью в гостинице я не мог уснуть. Солнце не заходило, только слегка опустилось за край горизонта. На ярко-лимонном небе косо висел узкий серп месяца, а земля и горы сияли фантастическими лиловыми оттенками.

Утром направляюсь в совхоз «Верхоянский», несколько отделений которого разбросаны по берегам Яны на огромной территории. Совхоз, расположенный в столь суровом краю, полностью окупает себя. Его тепличное хозяйство снабжает весь район свежими огурцами. А недавно здесь впервые высадили помидоры. Крупные плоды дружно зарозовели, и было ясно: опыт удался.

Главное место среди отделений совхоза занимает кумысоферма. Коневоды разводят местную породу,— крупная лошадь хороша в верховой езде и неприхотлива. Даже зимой сама добывает корм из-под снега.

Знакомлюсь с бригадиром коневодов якутом Алексеем Дмитриевичем Гороховым. Он рассказывает:

— Мы уже свою пятилетку, знаете ли, завершили. За год даем до 4 300 центнеров мяса, а кумысом обеспечиваем всех жителей района. Кумыс знатный. Туберкулезная лечебница с его помощью за год полностью излечивает больных. Каков на вкус? Попробуйте сами и спросите в кумысолечебнице, там сейчас пионерлагерь.

Кумысолечебница — просторный, полный света дом — стоит на берегу озера, в котором плещутся мальчишки и девчонки. Увидев их загорелые тела, тугие щеки, я и без расспросов понял: кумыс, который дают ребятишкам три раза в день, им и по вкусу и на пользу. Кормят их вообще отлично: парное мясо, лимоны, огурцы, помидоры.

— У нас, как в «Артеке»,— говорит вожатая.— Да и климат сухой, здоровый, лесистая сопка хорошо защищает котловину от ветров.

Из местного «Артека» я полетел на вертолете к оленеводам «Верхоянского». Вертолет сел на гальку у реки. Олешек, разбежавшихся при нашем появлении, быстро собрал пацан лет семи, сын оленевода. Мне повезло: здесь я увидел ярко-белых оленей — альбиносов, что вообще-то большая редкость. Два оленя залюбопытствовали, направились к нам. Обнюхивают вертолет и, не теряя времени, щиплют траву.

— Да вы их солью подманите,— посоветовали мне.

И, правда, завидев соль в ладонях, олени подходили и мягко слизывали ее с руки. Так их обычно и подзывают. А заболевших ловят, быстро осматривают, если поранился, смазывают мазью, и ступай, голубчик, в стадо.

Бригада расположилась в долине среди сопок. Пастбище обнесено забором. У реки стоят четыре палатки. В каждой переносная плита, непременный транзистор, хомуз — национальный музыкальный инструмент, городская посуда.

В такой долине корма стаду хватает на два-три дня. Потом бригада снимается с места и ищет новое пастбище. Оленеводы — люди мужественные, выносливые. Им нужно много знать и уметь. Хорошо знать свой край, чтоб выбрать удобное пастбище, разбираться в полезных и вредных растениях, быть ко всему прочему и ветеринаром. Дети растут крепкими, умелыми. Оседлать оленя не так-то просто и усесться на него нелегко, знаю по собственному опыту: пробовал. А местные ребята лет с шести делают это играючи. И скачет парнишка на олене, как лихой наездник.

Здесь, на стоянке оленеводов, встретился я с агитбригадой Верхоянского Дома культуры — ансамблем песни и танца «Северный подснежник». Его артисты — в основном старшеклассники городской школы. Летом «Северный подснежник» ездит с концертами по всем отделениям совхоза.

Вечером оленеводы собрались на лужайке. Прямо по траве поплыли в танце парни и девушки в национальных оранжевых, сиреневых костюмах. Солнце высвечивало улыбающихся танцоров и довольные лица зрителей.

Алексей Дмитриевич Горохов — бригадир коневодов.

Яна вьется затейливыми петлями.

НЕКРАСОВ ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Это сложная задача — собрать воедино несколько литературоведческих очерков, даже объединенных именем одного писателя, чтобы в результате получился не случайный сборник разнородных произведений, а книга, где каждая страница служит развитию и утверждению единой мысли автора. К таким книгам, несомненно, относится работа доктора филологических наук Н. Скатова, в центре которой — поэзия Некрасова как художественная система, неотвратимо влиявшая на его современников и последователей.

Когда-то Андрей Белый написал: «Два русла определенно намечаются в русской поэзии. Одно берет свое начало от Пушкина. Другое — от Лермонтова. Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета...» Не чужд этой мысли и Н. Скатов в очерке «Некрасов и поэты некрасовского направления». Анализируя лермонтовскую «Родину» и некрасовское стихотворение «В дороге», он очень точно указывает на развитие Некрасовым народной темы, заложенной в стихотворении Лермонтова. Автор подчеркивает многократно увеличенную глубину раскрытия народной жизни Некрасовым: «Лермонтов прислушивался к «говору мужиков», Некрасов ввел этот говор в стих. Мир народной жизни предстал разложимым, анализируемым, исследуемым в его сути, в его обнаженности. Оказались убранными все опосредствования, отвергнуты привычные эстетические формы приобщения к народу через народное творчество, через песню. Взгляд Некрасова уже стремится проникнуть далее того, что может дать песня». Пусть стилистически и не совсем удачно сформулировал Скатов свою мысль, но в приведенных словах содержится тем не менее основа, дающая возможность поставить Некрасова во главу «школы» или «направления» (второй термин кажется Скатову более динамичным, и в этом он, вероятно, прав).

М. Л. Михайлов, Л. Трефолев, И. Суриков, С. Дрожжин, Н. Добролюбов, И. Гольц-Миллер, А. Плещеев, Д. Минаев, В. Курочкин и, конечно, И. Никитин — по-разному писали они, порой за всю творческую жизнь удавалось некоторым создать лишь одно-два высокохудожественных стихотворения, отмеченных подлинной народностью, но все они были как бы маленькими лодочками, упорно идущими в бурном море российской поэзии за большим кораблем — Некрасовым.

Немалое внимание уделено в книге взаимоотношению двух великих поэтических миров, «двух тайн русской поэзии» — Тютчева и Некрасова. Не рисуя литературных портретов, оставаясь верным принципам чисто литературоведческого анализа, Скатов сумел тонко сопоставить творческие методы Некрасова и Тютчева, проблематику их лирики, выявив, что связывало и что разделяло их поэтические системы. Это видно в рассуждениях об интимной лирике поэтов. «Денисьевский» и «панаевский» циклы, которые автор считает существенно новыми в русской поэзии, не только дают повод сблизить Некрасова и Тютчева, но и показывают их общее стремление осознать бесконечно сложную психологически область высоких устремлений человеческой личности.

Целый ряд интересных и точных наблюдений, характерных для всей работы Н. Скатова, найдет внимательный читатель в очерках «Некрасов и Фет» и «Некрасов в поэтическом мире Александра Блока и Андрея Белого».

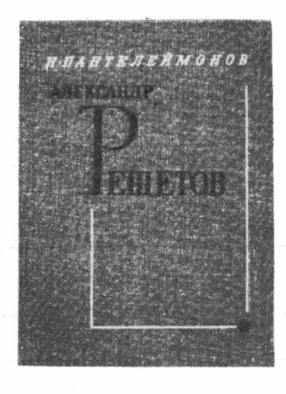
Поэтическую традицию Некрасова в советской поэзии рассматривает автор на примере лирики Михаила Исаковского и эпоса Александра Твардовского. Точность выбора имен не подлежит сомнению. Жаль, что, рассматривая эпос Твардовского в соотношении с поэзией Некрасова, Н. Скатов сбивается порой на скороговорку. Но тема «Некрасов и советская поэзия» необъятна, и вряд ли даже фрагментарно могла быть раскрыта она в небольшом очерке.

Книга Н. Скатова побуждает еще раз углубиться в творчество Некрасова и дает пример вдумчивого литературоведческого исследования.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Н. Скатов. Некрасов. Современники и продолжатели. Л., «Советский писатель», 1973, 360 стр.

ОБЛИК ПОЭТА

Вышла книга об Александре Ефимовиче Решетове. Она охватывает большой, сорокалетний путь поэта — от тех, уже далеких для нас времен, когда еще в деревнях освещались «лучиной скучной», и до наших дней. Бурное, насыщенное большими событиями время формировало сознание писателя, стоявшего всегда на переднем крае строительства нового общества. И автор монографии Н. Пантелеймонов, тщательно собрав разнообразный материал о поэте, вдумчиво исследует его, раскрывая замечательное дарование поэта-лирика.

«Своеобразие творчества Александра Решетова заключалось в том,— пишет Н. Пантелеймонов,— что в его стихах всегда была четко выраженная позиция гражданина и патриота, чувствовалась лирическая душевная теплота, ощущался человек с его переживаниями, близкими и понятными каждому».

Каким дворам,
Какому полю,
Когда служанкой Русь была?
На волю, пленники, на волю,
Россия в Пруссию пришла! —

гордо восклицает поэт о победном шествии нашей освободительной армии в Великой Отечественной войне.

В монографии приводится много стихотворений Александра Решетова. Они подкрепляют высокие оценки мастерства поэта. Более того, стихи всем лирическим строем, глубиной чувства, сыновней любовью к матери-Родине, к русскому народу влекут к себе читателя и зовут к книгам поэта, чтобы лучше узнать и полюбить его творчество.

Н. Пантелеймонов останавливает внимание любителей поэзии на инструментовке решетовского стиха, на зоркой поэтической наблюдательности, на строгой требовательности поэта и к себе и к своим товарищам по перу.

Убедительно и справедливо защищает он Александра Решетова и от тех необоснованных нападок некоторых критиков, коими порой встречались его сборники стихотворений, уместно приведя высказывание самого Решетова: «Мы плохо выполняем добрый завет Маяковского — заботиться о понимании стихов».

Всем своим содержанием критико-биографический очерк Н. Пантелеймонова направлен именно на то, чтобы широкий читатель правильно воспринял творчество талантливого поэта-лирика. Нельзя не сказать и о том, что книга написана хорошим, ясным языком и читается с живым интересом.

Сергей ВОРОНИН

Н. Пантелеймонов. Александр Решетов. Л., «Советский писатель», 1974, 256 стр.

«НОВОРОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Роман Якова Кривенка посвящен событиям революции 1905 года, а точнее, «Новороссийской республике», к сожалению, до сих пор мало описанной даже в научной исторической литературе. А ведь это о Новороссийске и других городах, где пролетариат России впервые взял в свои руки политическую власть, создав Советы рабочих депутатов, В. И. Ленин писал, что Советы «создавались исключительно революционными слоями населения» как «продукт самобытного народного творчества», «проявление самодеятельности народа», уничтожившего у себя старые законы и порядки.

«Бора» — итог многолетнего, упорного труда писателя над историко-революционной темой. В 1972 году в Краснодаре вышла первая книга этого романа, охватывающая события с мая 1904-го по декабрь 1905 года. Она получила положительную оценку читателей и литературной критики.

Вторая книга — о декабрьских днях 1905 года, когда рабочий класс героического города-порта впервые на юге России вырвал власть из рук царских сатрапов. Герои «Боры» — рабочие, которые создали в своем городе власть Советов и поняли, как и за что бороться.

«Новороссийская республика», просуществовав всего две недели, доказала, что пролетариат может не только взять в свои руки политическую власть, но и использовать ее в интересах трудящихся. Новороссийский Совет руководил хозяйственной и культурной жизнью большого города, занимался торговлей, благоустройством, воспитанием беспризорных детей, судебно-административной деятельностью, налаживанием связей с деревней — обо всем этом интересно, художественно достоверно рассказал Я. Кривенок.

Но силы были неравны. «Новороссийскую республику» подавили огнем пушек. Гибель ее поколебала слабых, пишет Кривенок, но в самый тяжелый момент твердость духа и верность идеалам сохранили большевики.

Главный герой романа Михаил Ветлугин прямо утверждает, что «огненные дни» «Новороссийской республики» показали всей России, «какое могущество заложено в единстве рабочего класса», что «завоевание власти в Черноморье — предтеча и репетиция той великой революции, которая назревает...».

Образ этого мужественного человека, профессионального революционера, рассказ о его судьбе и судьбах его товарищей — Сокольского, Дубравы, Марии Гвоздевой и других — несомненная удача автора.

Роман «Бора» пронизан революционным оптимизмом. Такие произведения вселяют решимость, благодарное отношение к подвигам отцов, желание идти их дорогой.

Вл. КОТОВСКОВ

Яков Кривенок. Бора. Роман. Книга вторая. Краснодарское книжное издательство, 1974, 336 стр.

ЖИЗНЬ АРТИСТА

А. С. Пирогов и А. П. Иванов в дружеской беседе.

Алексей Петрович Иванов, народный артист СССР, лауреат трех Государственных премий,— впервые его имя появилось на театральных афишах в тридцатые годы... Голос певца — удивительный по своей красоте драматический баритон — звучит и поныне в концертных залах нашей страны.

В год своего 70-летия артист пел в Красноярске и Шушенском, в Волгограде и на Кубани, в Нежине и Кировограде, в Ярославле и Чернигове... Пел доменщикам Нижнего Тагила, выплавившим стомиллионную тонну чугуна; рыбакам Камчатки и металлургам Кузнецка в день открытия нового Дворца культуры; пел в Кирове на праздничном концерте в честь 600-летия города и в Суздале, отмечавшем свое 950-летие... Да еще в том же своем юбилейном, 1974 году выступал неоднократно перед сотрудниками подмосковной милиции, с которыми связан дружбой. И не удивительно, что однажды утром домой к нему явился в парадной форме младший лейтенант милиции Анатолий Язьков из города Загорска с букетом алых гвоздик и приветственным адресом. Первым поздравил он маститого артиста с днем рождения, но не поверил, что теперь ему пошел восьмой десяток,— смотрел на него и думал: а не ошиблись ли паспортисты, прибавив певцу лишний десяток лет?..

Алексей Петрович Иванов пришел в Большой театр Союза ССР в 1938 году и сразу же занял место в блестящей плеяде главных исполнителей, таких, как Александр Пирогов, Максим Михайлов, Иван Козловский, Сергей Лемешев... Он пел ведущие партии едва ли не всего репертуара, создавая в прославленном театре самобытные, глубокие образы классических русских, советских и зарубежных опер. Мазепа и Демон, Грязной и Шакловитый, Томский и Риголетто, Рылеев и Эскамильо...

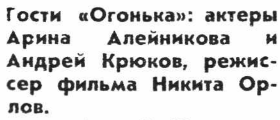
Влюбленный в родную речь, артист чародействует словом и голосом, передавая тончайшие оттенки души героев.

Не легок и не прям был путь певца в большое искусство. Его отец — учитель церковноприходской школы в Бежице — обладал хорошим басом, любил пение, но сыну своему желал иного, не связанного с искусством поприща.

Однако же песня жила в нем всегда, была душой и надеждой. И она привела его в Ленинградскую консерваторию, в класс профессора Г. А. Боссе — солиста Ленинградского оперного театра. Позже его учителем был Иван Васильевич Ершов, великий русский певец, о котором Алексей Петрович вспоминает с сыновней признательностью. И еще — о братьях Пироговых — Григории, Александре и Алексее, чей певческий талант, сила духа, человеческая красота оказали на него большое влияние. Кстати, артист только что закончил свою книгу, посвященную братьям Пироговым. Рукопись другой книги Алексея Иванова — «Жизнь артиста» — принята издательством «Советская Россия».

Иван ШЕВЦОВ

●

КИНО

Гости «Огонька»: актеры Арина Алейникова и Андрей Крюков, режиссер фильма Никита Орлов.

Фото Б. Кузьмина.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ... ТАЛАНТ

Петр Алейников. Его имя и сегодня хорошо известно всем любителям кино. Неповторимое обаяние актера, жизнелюбие и талант, отданные целиком своему народу и выразившие эпоху, никогда не перестанут волновать сердца людей, в чем легко убедиться, посмотрев фильм об Алейникове, созданный киностудией «Мосфильм».

Недавно авторы этой ленты посетили редакцию журнала «Огонек». Они не просто рассказали о жизни и творчестве замечательного актера, но попытались с помощью своего фильма глубоко раскрыть секреты его мастерства, отыскать заветные истоки таланта.

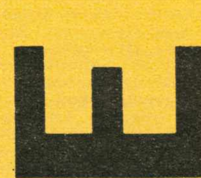
Главная героиня фильма — дочь Петра Алейникова, Арина, уже после смерти отца пытается и для себя и для зрителя ответить на вопрос: в чем же основа того искрометного дарования, которым отмечались все работы ее отца? Она беседует с самыми близкими друзьями артиста, вновь и вновь пересматривает старые ленты. Но какого-то конкретного ответа, конечно, не находит. Да его и не может быть! Ведь талант, внутреннее обаяние, вершины мастерства не поддаются прямой разгадке. Тем не менее зритель уходит с этого фильма восторженный и вместе с тем немного грустный.

Так, вероятно, всегда бывает, если соприкасаешься с тем, что является по-настоящему прекрасным.

Фильм получился увлекательным, волнующим... Думается, о многих еще талантах могло бы кино вот так же хорошо, светло напомнить людям.

В. МАКСИМОВА.

РАЗБЕГ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

Александр ЩЕРБАКОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Спортивный праздник! Огромное событие для деревни! Ведь в ней испокон веков живет скрытый до поры до времени азарт, желание показать свою удаль, свою силу, стремление постоять за односельчан, за честь своего района. А Оршанскому району есть за что постоять. Больше десяти тысяч физкультурников в колхозах, совхозах и на сельскохозяйственных предприятиях. За год в 98 спортивных коллективах района подготавливаются три тысячи разрядников. В прошлом году дал район двух мастеров спорта...

...И вот праздник в Устье... Покатили воскресным утром к Устью машины, мотоциклы, велосипеды... И запестрели стадион и прилегающие к нему лужайки разноцветными майками спортсменов, пестрыми нарядами болельщиков. И уже разминаются футболисты и волейболисты, играют мускулами борцы.

На празднике весь спортивный цвет района. Вон Сергей Емельянович Диваков, плотник из совхоза «Бабиничи». Двадцать пять лет бессменно возглавляет он Совет физкультуры в совхозе, первым в республике сдал нормы на значок ГТО, судит и по сей день футбольные матчи; двух сыновей воспитал физкультурниками... Приехали с сыновьями зоотехник из колхоза имени Кирова Николай Коткин и Владимир Пимого — мастер из «Сельхозтехники», тренер-общественник по лыжному спорту. Приехали и записались в популярную эстафету «папа и я»... Приехали и гости из Орши, Витебска.

Закончился торжественный парад участников, и выплеснулась юная удаль, пошла состязаться молодая сила. На волейбольную площадку вызывают команды колхозов «Луч социализма» и «Родина»... «Начинаются забеги женщин на 400 метров...» — объявляет диктор. «Вниманию зрителей — через несколько минут на стадионе финиширует мужская велогонка,— предупреждает радио.— Продолжаются соревнования по самбо и дзю-до...»

...А когда отшумел праздник, мы заговорили о буднях. Инструктор из Устья Андрей Кабанов (он работал в городе, но не устоял перед соблазном возвратиться в родные края после окончания института физкультуры) упомянул о больных проблемах.

Попробуйте найти типовой проект для сельского стадиона, для тира или бассейна. Не найдете. Видно, до кого-то еще не дошло, что на селе не только животноводческие фермы надо строить... Видели, какой праздник устроили? А ведь можем и лучше. Только бы разбег взять...

Оршанский район, Витебская область, БССР.

●

Уже одиннадцать лет в Оршанском районе проводятся спортивные праздники.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Люда Стулова — одна из лучших волейболисток района.

Волейбол — любимая игра сельских спортсменов.

Старт!

Евг. ЕВТУШЕНКО

ПОЭМА

СНЕГ В ТОКИО

Ее муж хотел казаться одним из самых
интеллигентных японцев.
Это ему не мешало слегка презирать ее,
потому что она была все-таки женщина.
С утра он садился за книги
в толстых кожаных переплетах
с полустершимися золотыми буквами
и усиленно старался быть еще интеллигентней.
Она приносила ему чай в библиотеку
и ставила черный лакированный поднос
с нарисованными фазанами,
на котором лежали кусочки сырого тунца,
деревянные палочки
и блюдечко соевого соуса.
Он полузамечал ее,
занятый мыслями о всемирном духе,
и она уходила подстригать розы
тяжелыми серебряными ножницами,
доставшимися от дедушки-самурая,
который, помимо того, что был хорошим
садовником,
был генералом, покончившим жизнь
по методу «харакири»,
после того как его запыленные ботинки
солдата
ступили на борт американского крейсера
«Миссури»,
а руки дрожали от тяжести бумажки
о капитуляции,
шуршавшей в руках непосредственного
начальника.
Женщина долго не мыла пахнущие садом
ладони,
а потом принималась готовить обед
и во время принятия пищи была одарована
молчанием думавшего о вечности супруга.
Потом она споласкивала тарелки,
а тоненький розовый лепесток,
сидящий, как бабочка, на запястье,
вместе с водой сливала в кухонную раковину.
Тем временем время раздумий о жизни
и смерти
заканчивалось по швейцарским часам ее мужа,
и мысли его, отключая понятие смерти,
уже направлялись единственно в сторону
жизни.
Муж выскальзывал из рабочего кимоно,
надевал похрустывающую сорочку
с нагрудным инеем тонких кружев,
а жена помогала вдевать в манжеты золотые
запонки
с изображеньями восходящего солнца.
Затем он влезал во французский костюм
из тергаля,
слегка приталенный, с ненавязчивой искрой
и вместо домашних «гэта» надевал
итальянские мокасины
из кожи ни в чем не повинного нильского
крокодила.
Муж не прощался, не предупреждал,
когда он вернется.
Его «До свидания!» было —
намеренно праздничный рев уносящейся
в сумрак машины —
фургонной «тойоты», но чаще —
двухместного «ягуара».
А она садилась к старинному зеркалу из Китая,
и кончики пальцев пытались разгладить
морщины
на лбу или около глаз, продолжавших
мерцать еще молодо,
как влажные темные вишни, на белом фарфоре
лица.
Машина домой возвращалась уже на рассвете,
устав, как набегавшаяся собака,
и, если бы шкура ее не была полированной,
на ней бы висели колючки кустарника жизни
ночной.
Муж требовал чая, потом «алька-зельцер» —
таблетку-шипучку,
великое изобретение бывших врагов,
которые сбросили бомбу на Хиросиму,
но все-таки мучились тоже с похмелья
частенько,
и это духовно сближало их с пьющими
не молочко
детьми Страны Восходящего Солнца.
Муж прямо в костюме заваливался на одеяло
и вмиг засыпал,
а она с него стаскивала мокасины
с прилипшей к подошве раздавленной
сигаретой,
заметив на ней от помады
кровавенький ободок,
а также и то, что к тергалю пристал
волосок натурального парика
из Южной Кореи,
а также и то, что на левой манжете нет
одного из двух солнц восходящих.
Потом и она засыпала:
по бабушкиному совету,
представив осеннюю рощу, и пруд
с изумрудной тиной,
и школьную черную доску на мертвой воде.
Она рисовала на школьной доске своим
взглядом, как мелом,
6.30 — час утреннего пробужденья
и взглядом тихонечко доску на дно погружала,
но так, чтобы нужная цифра светилась оттуда
сквозь желтые листья, покачиваемые прудом.
Однажды она возвращалась из храма,
где Будда
молитву ее терпеливо выслушал,
но не дал совета.
Она повернулась внезапно
к прохладным колоннам университета Васэда,
в котором училась когда-то.
Она повернула отчасти из ностальгии
по юности, в мертвой воде утонувшей,
как лист обворованной ветром сакуры,
чуть-чуть на ветвях пожелтевший,
чуть-чуть на лету,
но при поцелуе, навязанном тиной,
покрывшийся весь, до конца, желтизной.
Она повернула отчасти из-за того,
что шел сквозь колонны взывающий
голос,
на лестнице парень стоял
в апельсинно-оранжевой каске.
Была эта каска в царапинах, шрамах —
убор головной демонстрантов — студентов
японских,
их головы пусть относительно, но охранявший
от полицейских дубинок,
нередко танцующих по головам.
Бурлил из-под каски, как маленький водопадик,
растрепанный чуб нефтяной,
а раскосые детские глазки
горели озлобленностью недетской,
обратной по смыслу, но по выраженью похожей
на злобу воинственных самураев,
махающих саблями на экранах.
Сжимая в руке микрофон, словно яблоко
с древа познанья,
которое стало в политике яблоком новым
раздора,
он что-то кричал в эпилепсии недовольства
на фоне плаката с бакунинской бородой
и звал к мировой революции.
Был так одинок этот крохотный, видно,
голодный оратор,
что ей захотелось его покормить, из сумочки
вынув
пакет целлофановый с вяленой сладенькой
каракатицей,
но все же она не решилась.
А он все кричал, распаляясь от общего
равнодушья
студентов, позорно спешащих в буфет или
в библиотеку,
а двое студентов, наверное, реакционных,
ракетками стали играть в бадминтонный
воланчик
над каской оратора в шрамах всемирной
борьбы.
А он все кричал, одинокий оратор,—
и правду кричал и неправду,
но все-таки что-то кричал...
И она ощутила
в тот миг превосходство хотя бы
бессильного крика студента
над рабством своей немоты.
Поздно вечером, лишь «ягуар»
скользнул за ворота,
она уложила детей,
а было их трое: одиннадцать, девять и семь
прекраснейших лет, когда многого
не понимают,
но, правда, догадываются смутно
об отношениях взрослых друг к другу,
предпочитая не вмешиваться.
Итак, она уложила детей
и вышла в осеннюю ночь.
Это было началом восстанья —
восстания женской души
за собственное достоинство,
восстанья без лозунгов и без танков,
без всякой программы, но все же восстаньем,
из тех, что вспыхивают незримо
в Нью-Йорке, Париже, а также, как видите,
в Токио,
не освещаемые, однако,
средствами массовой информации.
Она пошла сначала в кафе
и стала думать о самоубийстве,
может быть, потому, что здесь
когда-то сиживал Акутагава
и думал о том же самом, глотая
теплое «сакэ» из глиняной рюмки.
Потом отошло.
Она с грустью подумала,

Спорт — это и стремительность и спокойствие...

что самоубийство есть вид эгоизма
и будут всю жизнь страдать ее дети
и мама, которая в Нагасаки
поясно кланяется императору
(смотрящему важно с настенного блюда),
чтобы за дочку ее он молился.
А кроме того, ей представилось живо,
как муж заказал себе траурный смокинг,
и, бодро повертываясь перед трюмо,
портному цедит: «Под мышками жмет»,—
и просит расклешить немножечко брюки
в пределах, приличных на похоронах.
Проклятая жизнь,
где и смерть ничему не поможет.

Она расплатилась и вышла.
И вдруг
увидела Токио в раннем снегу, неожиданном,
словно похмелье,
пришедшее не с пробуждением утренним,
а до погружения в сон.
Словно хлебные белые крошки,
безвольно вращающиеся в аквариуме,
снежинки кружились и делали белыми спины
прохожих, машин
и даже осеннюю грязь под ногами
двадцатого века.
Она засмеялась, как будто усталая гейша,
внезапно себя ощутившая безработной.
В свободе гейши — и голод и холод,
но счастье восстанья души — приносить
как можно меньше так называемой пользы
так называемому обществу.
Она ловила легкие белые хлопья свободы
и, пока не растаяли, слизывала с ладони.
Вдвоем со снегом она бродила
целую ночь по улицам Токио,
и снег показывал ей районы,
в которых раньше она не бывала.
Снег за руку ввел ее в балаган,
где женщина в драном трико золотом,
сама извиваясь, как будто змея,
ела другую змею, погружая
свои кривые, редкие зубы,
живущие самостоятельной жизнью один
от другого,
в змеиное тело с оторванной только что
головой,
кстати, валявшейся на деревянном помосте,
с еще живыми бусинками-глазами,
пока змеиное мясо кусками еще живыми,
дрожа, конвульсировало в пищеводе
у змееглотательницы несчастной.
Проклятая жизнь,
где глотаешь несчастья кусками змеи,
в то время как жизнь
и тебя незаметно проглатывает кусками.

Женщина выбежала из балагана,
уткнулась в мокрую морду снега,
и он ее вдаль повел, как собака,
виляя грязным белым хвостом.
Потом ей стало холодно. Плащ
был слишком легоньким.
Лаковые туфельки
со срезанными тупыми носками
попискивали, будто утята,
глотая сразу и грязь и снег
раскрытыми черными клювами.
У мраморного фонтана,
продолжавшего выбрасывать глупую рядом
со снегом воду,
она присела на мокнущую скамейку,
на чьи-то расползшиеся газеты
с портретами лидеров правящей партии,
а также лидеров оппозиции
и сразу заснула, а снег неумело
ее старался прикрыть от снега,
всю с головы до ног окутав
то потихоньку пушисто растущим,
то снова тающим одеялом.
Она проснулась от чьего-то взгляда.
Перед ней стоял незнакомый человек
в немодной шляпе с жирными пятнами
на залоснившейся креповой ленте
и с драным зонтиком над головой
в руке, заросшей густой сединою.
Были на нем не по возрасту джинсы,
и всюду на джинсах — вот что было странно!—
скакали веселые брызги красок,
как будто радуга при снегопаде.
«Пойдем со мной...» — сказал человек
и взял ее застывшую руку,
сразу поверившую невольно
его седой надежной руке.
Они нырнули в подвал,
ступая по крысам, шнырявшим по лестнице,
и, зонтиком ткнув куда-то во мглу,
сказав: «Этот зонтик — мой ключ»,—
незнакомец
открыл или дверь, или то, что считалось им
дверью,
и они вошли в то, что считалось им домом.
Хозяин верхний свет не зажег,
а только странный торшерчик,
на чьем абажуре цветном при включении в сеть
загадочно начали ползать ожившие краски.
Хозяин кофейник поставил на электроплитку
и дал ей горячего кофе в стаканчике
термосном из пластмассы.
Хозяин ее ни о чем не спрашивал.
Он вынул из хлама простую пастушью
свирель,
такую же точно, какую в детстве
она увидела на Хоккайдо
в руках у босого крестьянина пьяного,
ведущего к бойне коров, обреченных
с рожденья,
и скрасить пытавшегося коровам
последние их шаги по траве.
Хозяин извлек из свирели дрожащие чистые
звуки
народной мелодии полузабытой
и начал чуть-чуть пританцовывать около
гостьи, сидевшей
на старом, рассохшемся табурете,
сняв туфли, а ноги в промокших
чулках направляя
в блаженную сторону электроплитки.
Глаза у хозяина были такие,
как будто, не зная о ней ничего,
он знал ее в детстве, знал ее в юности,
ее детей принимал из нее,
и ей помогал мокасины стаскивать с мужа,
и где-то рядом сидел в кафе,
увидев мысли о самоубийстве,
витавшие в легком облачке дыма
над чашечкой кофе в ее руках.
Но он, играя на этой свирели,
не выражал снисходительной жалости,
а этим кружением, этой мелодией
и грустными, но улыбающимися глазами
гостье своей говорил:
«Все пройдет.
Конечно, и жизнь пройдет — что поделать!
Но если мы живы, зачем умирать прежде
смерти?
Ведь есть еще счастье играть на свирели
или послушать чужую свирель.
И в каждом из нас есть, наверное, звуки,
которые кажутся неизвлекаемыми,
но стоит лишь тихо закрыть глаза
и протянуть ожидающе руки ладонями
кверху,
как вдруг окажется, будто подарок,
в них деревянное тело свирели,
и стоит лишь прикоснуться губами
к дырочкам круглым, просверленным
в тайну,
как вместе с дыханием выйдет из нас
наша единственная мелодия,
и жизнь тогда никогда не пройдет,
а смерть пройдет, заслушавшись жизнью».
И гостья, слушая эти слова,
произносимые только глазами
и пританцовывающей свирелью,
стала не то чтобы плакать, а освобождаться
слезами,
слезы рожая, как тысячи малых детей,
и незаметно сама для себя уснула
на алюминиевой раскладушке,
укрытая старой солдатской шинелью,
пахнущей миром, а не войной.
Проснувшись, она увидела
прежде всего картины.
Картины висели на стенах, стояли и просто
валялись.
Они непохожими были на те картины,
которые с мужем они выбирали
в галереях Гиндзы,
себе обставляя дом.
Там были картины, похожие на добавление
к мебели.
Картины Гиндзы — роскошного рынка уюта —
не разговаривали, не кричали,
а только слегка массировали настроение,
как массажисты с отрезанными языками.
А эти кричали, и разговаривали,
и пели песенку на свирели,
а если молчали, то даже молчанье
было похожим на крик или шепот.
Больше всего на картинах было войны,
но не войны генералов парадно-медальной,
а грязной, кровавой, тифозной войны солдат,
не притворяющейся великой.
Особенно поражала картина,
художником названная «Восстанье».
Холеные руки кого-то или чего-то невидимого
с манжетами, на одной из которых,
как это, наверно, привиделось ей,
оставалось одно восходящее солнце,
а рядом, второе, уроненное, валялось в грязи.
Холеные руки протягивали солдату медальку
из атомного грибообразного облака.
Страшный, опухший солдат,
как будто утопленник с мертвым лицом цвета
хаки,
с глазами, похожими на болота,
сделал прикладом с еще не засохшей кровью
в сторону этой, похожей на падшую запонку
бляшки
презрительно гневный, навек отвергающий
жест.
Гостья вокруг оглянулась, художника
взглядом ища,
но он испарился, как будто все эти картины
себя написали сами.
Лишь на топчане самодельном,
который служил и столом и кроватью
хозяину,
лежала записка:
«Вернусь только к вечеру. Будьте, как дома»,—
а рядом покачивались, как живые,
два, словно изваянных из вчерашнего снега,
яйца.

Она разбила их так осторожно,
как будто боялась им сделать больно,
яичницу сделала, кофе сварила,
потом взяла отдыхавшую кисть
и, обмакнув ее в краску, стала
водить по нетронутому холсту,
и это было похоже на освобожденье слезами,
но только слезами разного цвета.
Она рисовала, конечно, в школе,
вернее, срисовывала, не рисовала —
ну, скажем, яблоко или кувшин.
Теперь ей совсем иного хотелось:
то срисовать, что внутри ее было,
и то, чего не было, срисовать
с воздуха, пахнувшего свирелью.
Что-то рождалось сквозь слезы красок:
и это было ее лицо,
и не ее лицо это было,
а то лицо, что внутри:
лицо лица.

Она покинула этот подвал
прежде, чем появился хозяин,
взяла такси и вернулась домой
сквозь город, бессмысленно растоптавший
бессмысленно выпавший снег.
Муж кинулся к ней озверело.
Она
в сторону мужа сделала жест:
не презрительно-гневный,
но его отвергающий, как реальность,
которая, если подумать,
реальна лишь при подчиненьи,
и муж попятился, чувствуя в страхе,
что это другая, ему незнакомая женщина.
Она направилась в детскую, поцеловала
три черных головки, пахнущих мылом и сном,
и на вопрос, где она пропадала так долго,
ответила:
«Слушала в поле свирель».
На следующее утро
она поехала в магазин на фургонной «тойоте»
и выбрала множество красок:

кадмий — лиловый, желтый, пурпурный,
красный светлый и красный темный,
охры: приглушенную и золотистую,
коричневый марс и марс оранжевый,
белила: свинцовые, цинковые, титановые,
зеленые: изумрудно-зеленую, ярко-зеленую
«Поль Веронезе»,
коричневые: «Ван-Дейк», натуральную умбру,
архангельскую коричневую,
сизо-коричневую, «Капут мортуум»,
черные: персиковую черную,
жженую кость, слоновую кость,
виноградную черную
(кстати, действительно
из виноградных косточек),
а также ультрамарин,
берлинскую лазурь и турецкую синюю,

масло: ореховое и льняное,
лаки: мастиксовый и фисташковый,
кисти: щетинные, беличьи, барсучьи
и колонковые,
еще мастихины, шпотеки различных размеров
и твердости,
цветные карандаши, фломастеры,
мольберты, этюдники и подрамники,
холсты грунтованные и негрунтованные,
бумагу в рулонах, ватманские листы,
а еще молотки и клещи
и большие и маленькие гвозди
для разных целей — за исключеньем
вбиванья
в ладони ближних.
Восстание делалось вооруженным.
Она спокойно потребовала у мужа
освободить от цветов немедленно
стеклянную зимнюю оранжерею,
на что он слегка покачал головой,
но сделал испуганно, как попросила
об этом рехнувшаяся жена.
Это было первое помещение, взятое при
восстаньи.

И стала она рисовать, допуская
в штаб восстания только детей — для начала
лишь собственных.

И они, пораженные стольким количеством
чистой бумаги и карандашей,
к восстанию подключились,
изображая с веселым ехидством
папу, похожего на осьминога,
и осьминога, который похож был на папу.
Она не пошла по прямому пути
атаки на статус-кво
в описанном выше облике папы,
отдав этот путь ультралево настроенным
детям.

С уродством боролась она не его прямым
обличеньем,
а самой красотой смешения красок,
ведь, может быть, главный противник
уродства —
сам дух человеческий в чистом виде,
а не бездуховные негодованья
против засилия бездуховности.
Она писала коров с Хоккайдо
с забитыми глазами японских женщин.
Она писала японских женщин
с забитыми глазами коров с Хоккайдо.
Муж взял ее в Африку, предполагая
развеять ее внезапную блажь.
Они поехали по классу «люкс»
и даже с лицензией на отстрел слона,
но ее тянуло совсем не в джунгли
с построенными вдоль троп туалетами,
а в покосившиеся хижины из листьев пальм
и стволов бамбука,
где женщины деревянными пестиками
толкли бататы, их превращая в муку.
И она писала африканских женщин
с забитыми глазами японских женщин.
И она писала японских женщин
с забитыми глазами африканских женщин.

И однажды пришли Знатоки в стеклянную
оранжерею.
Это были не те знатоки, которые крутятся
в Токио на вернисажах,
чтобы одной рукой поддержать запотевший
«дайкири»,
а свободной рукой, вернее, кажущейся
свободной рукой
поздороваться величаво
с талантами мира сего
и угодливо — с более высшими — сильными
мира сего,
даже не догадываясь, что совершают ошибку
в расчетах,
ибо главнейшая сила в мире —
это талант, а не сила сама по себе.

Два Знатока-японца, пришедшие в оранжерею,
были два старика вообще не от мира сего,
а послы от великого мира великого Хокусаи,
Рублева, Босха, Эль Греко,
говорящие даже и о Пабло Пикассо,
как о способном, но все-таки шалуне.
В этих двух стариках было детское что-то,
и, быть может, поэтому
немолодая женщина, но молодая художница
им разрешила войти в мастерскую, куда
были допущены ранее только дети.

Первый старик, несмотря на жару,
был в чопорном черном костюме,
но сморщенную от смены правительств шею
охватывал пестрый парижский фуляр,
в двадцатых подаренный в Монпарнасе
девчонкой, которую он отбил
у начинающего Элюара.
Второй старик, с образцами отличной
крупповской стали во рту,
выпущенной еще до прихода Гитлера,
хотя и потом она, к сожалению, не ухудшилась,
был в теннисных шортах, с ракеткой «Данлоп»
и все-таки в самых простых деревянных «гэта».
Художница очень боялась, что Знатоки
не скажут ей, что она художница,
и с чувством провала почти не глядела на них,
холсты ворочая, как ломовая лошадь,
и спрашивая: «Блестит? Не блестит?»
Первый старик спросил: «А давно вы пишете?»
с потусторонним каменным взглядом.
Она торопливо сказала: «Давно».
Второй старик спросил безучастно:
«Вы раньше где-нибудь выставлялись?»
Она призналась подавленно: «Нет».
«Кто вас учил?» — спросил ее первый.
«Один человек». — Она вся сжалась.
«Ага...» — Он снял свой бестактный вопрос.
Второй, постучав зачем-то ракеткой
о раму рассматриваемой картины,
как будто ее проверял на крепость,
сказал, неожиданно улыбнувшись:
...«По-моему, это похоже на что-то...»
«На что, на кого?»— Она дернулась нервно.
«На живопись...» — Он улыбнулся чуть-чуть.
Первый, слегка недовольный, что не был он
первым,
добавил: «Мне тоже так показалось,
как уважаемому коллеге,
но я не советую вам спешить выставляться».
Второй, ракетку крутнув на полу,
сказал, посмеиваясь лукаво:
«А я советую вам спешить,
хотя и в том, что сказал мой коллега,
рациональное есть зерно.
Конечно, кто слишком спешит — проиграет,
но тот, кто совсем не спешит, не выиграет.
Искусство, спрятанное от народа —
миллионером, а может быть, просто тупицей,—
это обкрадывание людей.
Но если прячет его не кто-то,
а сам художник, то это, простите,
не что иное, как эгоизм.
И, кстати, нет ли у вас рюмашки,
чтоб я и коллега выпили с вами
за первую выставку вашу! Ее
мы вместе с коллегой беремся устроить...
Не так ли, коллега?»
«Конечно, конечно... — тот забормотал. —
Когда я советовал не спешить,
то это советовал я по-отцовски,
но есть преимущество мудрости детской
над мудрой медленностью отцов...»
О, как любому художнику нужно,
чтобы его назвали художником
не малограмотные невежды
и не восторженные идиотки,
писающие кипятком
на асфальтах Парижа и Токио,
а два старика, объевшихся краской,—
непробиваемые знатоки.

Три рюмки, поставленные на середину
задорно жонглирующей ракетки,
как раз на самую середину,
чуть побелевшую от ударов,
решили все дело, и выставка состоялась.

Она — увы! — состоялась на Гиндзе,
самой художницей столь нелюбимой,
и по законам усмешек судьбы
в новом гигантском универмаге,
где покупал ее муж подтяжки,
запонки, галстуки, прочую мелочь.
Кстати, и он посетил вернисаж
и, несмотря на «интеллигентность»,
втайне испытывал вовсе не гордость,
а дикий животный страх:
жена окончательно ускользала.
Здание универмага стало
уже вторым помещением, взятым во время
восстанья,
хотя, к сожаленью, не целиком.
К ней подошел в радужных джинсах старик,
но она узнала его не по джинсам,
а по крепким незримо седым рукам,
в которых незримо плясала свирель.
Она сказала ему: «Учитель...»
Но сделал он мягкий, слова отвергающий жест:
«Учитель? Не знаю, что это такое в искусстве.
«Учитель» — это медалька пустая,
пусть даже из самой доброй руки.
Что может в искусстве быть неестественней,
чем так называемые отношенья
между так называемыми учителями
и так называемыми учениками?
Мы оба художники, значит, друзья и враги,
и нежная наша вражда сбережет
любого из нас, но убьет обоюдное обожанье.
Я вас уважаю, как сильного, мужественного
врага,
и если вам будет когда-нибудь плохо,
найдите тот самый подвал —
там найдется и чашечка кофе,
и я с удовольствием вам поиграю опять
на свирели...»

На выставке странное было явленье:
конечно, мужчины сюда заходили,
но женщины перли сюда, как в такой магазин,
где им выдают от мужей и от быта свободу.
И даже женщины из посольств —
белые женщины из Европы,
а также из Соединенных Штатов —
стояли часами, рассматривая холсты,
в глазах японок и африканок
и обреченных коров с Хоккайдо
угадывая страданья свои
и видя в буйстве восставших красок
свою затаенную тягу к восстанью.
Один предприимчивый фабрикант
в секцию разных изделий из кожи
этого самого универмага
выбросил тысячи черных сумок
с красноречивым и кратким «Нет»,
написанным белым на этих сумках.
И после выставки этих картин,
лишь на этаж опустившись ниже,
женщины сумки приобретали
с лозунгом нравственного восстанья
против мужчин — с презрительным «Нет».
Однажды к художнице подошла
японка лет сорока или больше
в бедном, нешелковом кимоно
с забитыми глазами коров из Хоккайдо,
в которых, однако, мерцали уже
костры начинавшегося восстанья.
«Я с фабрики «Сони»,— сказала она,—
и, конечно, не так образованна, как вы.
Я никогда еще не рисовала,
но прошу: научите меня рисовать».
Художница стала с ней заниматься,
и что-то раскрылось в этой японке,
изображавшей на акварелях
других японок над сборкой транзисторов —
мусорных ящиков лжи и музыки мира.
Эти японки были похожи
на лотосы, снегом тяжелым надломленные,
но рисовавшая их японка
с каждым рисунком своим выпрямлялась.
Потом японка с фабрики «Сони»
привела подругу — кассиршу театра «Кабуки»,
а та привела подругу — актрису
конкурирующего театра,
а та привела подругу — жену боксера,
который изредка тренировался на лице жены.
Некоторые женщины появлялись лишь
на некоторое время,
чтобы кокетливо пригрозить мужьям
искусством,
а потом дезертировать из искусства
в сомнительно мирное лоно семьи.
Но, однако, при всех перечисленных
недостатках
это было восстание,
а какое восстание
обходилось когда-нибудь без жертв и других
издержек?

И художница мужественно возглавляла
восстанье женщин
в осознании собственных многих ошибок,
но все-таки собственной правоты
и правоты восстания, как такового,
потому что жизнь — восстание против смерти,
а искусство — восстание против жизни,
если жизнь становится слишком похожей
на смерть.

...Но иногда, если снег за окном появлялся,
она вспоминала, вздохнув с облегченьем,
что где-то есть грязный подвал,
а в подвале художник,
и в крепких седых руках исцеляющая свирель.

Токио—Москва.

Дмитрий НАЛБАНДЯН, народный художник СССР

ФАЛЬШИВЫЕ ЦЕННО

Передо мной лежит оттиск статьи Иоко Накамуры, президента японской картинной галереи «Гэккосо», где в прошлом году состоялась выставка произведений русской и советской живописи. Тысячи японцев ежедневно выстраивались с утра у входа в эти залы. Их вело не просто любопытство, не только интерес к творчеству русских художников и желание познакомиться с их шедеврами,— люди шли на встречу с искусством.

Не так давно госпожа Иоко Накамура была в Советском Союзе. Во время встречи и бесед с советскими художниками она говорила о том огромном впечатлении, которое произвела в ее стране эта выставка, об эмоциональном и интеллектуальном воздействии картин на умы и сердца японских зрителей.

А я думал о том, насколько сильна во всем мире тяга людей к настоящему искусству. Вспоминал длинные очереди в Третьяковскую галерею и Музей изобразительных искусств, стремление едва ли не каждого советского человека увидеть «Джоконду» и шедевры Дрезденской галереи, сокровища древнеегипетского искусства и творения Микеланджело. Дважды по желанию зрителей в Центральном выставочном зале показывали экспозицию произведений членов Академии художеств СССР, ее посетило в прошлом году около миллиона человек.

Одновременно мне припомнились пустые залы музеев модернистского искусства в Западной Германии и в США, во Франции и Италии. На стенах там развешаны абсурдные картины, изображающие бессмысленные цветовые пятна, линии, геометрические фигуры; произведения, напоминающие бред и кошмарные сны, рожденные больным воображением; сюрреалистические полотна на отвлеченные мистические и религиозные темы. Мне говорили, что за целый день там можно увидеть двух-трех зрителей, и то из числа любопытствующих туристов. А по соседству, в галереях, где находятся произведения классической живописи, всегда многолюдно. К любимым полотнам люди возвращаются снова и снова, как к любимым книгам, черпая в них вдохновение, познавая мир.

Во все времена художники видели свою задачу в том, чтобы утверждать высокие, гуманистические идеалы, обращались к светлому разуму и благородным чувствам людей. Великие мастера показывали сложность и красоту жизни, размышляли о серьезных социальных и нравственных проблемах, о взаимоотношениях человека и общества. Недаром Н. Чернышевский назвал искусство «учебником жизни».

Произведения передвижников, например, обладали огромной силой эстетического воздействия и нашли отклик в сердцах демократически настроенных современников. Вот уже целое столетие полотна И. Крамского, И. Репина, В. Перова, А. Саврасова и еще многих других из этой славной когорты неизменно вызывают восхищение своей правдой и мастерством, своим гражданским пафосом.

Лучшие произведения советских живописцев, скульпторов, графиков, работы Н. Андреева и И. Бродского, в которых впервые прозвучала тема социалистической революции, полотна А. Герасимова, С. Герасимова, Б. Иогансона, монументальные холсты А. Дейнеки, скульптуры Е. Вучетича, развивая традиции русского искусства, обогатили его новыми художественными достижениями. В этих произведениях воплощены образы передовых советских людей — строителей коммунизма, творцов самого справедливого общества на земле.

В картинах наших лучших мастеров зрители черпают вдохновение, получая радость, заряд творческой энергии и бодрости, которые дает общение с прекрасным.

Но передовое советское искусство не устраивает буржуазных идеологов, потому что служит воспитанию коммунистических идеалов, развитию социалистического общества.

Некоторое время назад западная печать и радио, захлебываясь от панегириков, оповестили весь мир о наших так называемых «авангардистах», выставки которых состоялись в Измайловском парке Москвы и на ВДНХ. Что же привлекло внимание этих «ценителей» искусства, на что были направлены их восторженные славословия?

Абстрактные поделки, притом не самые изощренные, далеко отставшие от того, что есть в этом роде на Западе. Созданы они Д. Плавинским и Э. Штейнбергом, А. Мастерковой и А. Тяпушкиным. Здесь же были представлены примитивы В. Яковлева, сюрреалистические символы В. Немухина, мистические сюжеты Э. Дробницкой и П. Беленка. И, наконец, мещанское злословие и брюзжание О. Рабина, выставившего, например, такое свое очередное творение, как «Рубашка» — на фоне разваливающихся деревянных построек изображение грязного женского белья, в которое вписана грудь. Пьяная кукла среди деревенской улицы, дохлая курица у скособоченной избы — вот темы этого идейного вдохновителя, неназванного вожака отечественных «авангардистов».

Естественно, что подобные вещицы — клад для наших недоброжелателей, которые тут же объявили передовым искусством эти антиэстетические, малохудожественные поделки, выполненные в основном людьми, не имеющими специального образования или недоучившимися.

Да, такая живопись вполне устраивает наших идейных противников. Вместо светлых идеалов, героики социалистических будней, глубокого, всестороннего осмысления жизни — мрачная мистика, злорадные, мнимозначительные обобщения, безысходность, убогость духа.

Империалистические монополии тратят миллионы долларов на поддержание формалистических направлений и на пропаганду их во всем мире. При этом искусство реалистическое, обращенное к народу, не только не поощряется, но и подвергается гонению. Известный американский художник Рокуэлл Кент, знакомый советскому зрителю по ряду выставок в нашей стране, рассказывал: «В 1907 году я написал первую картину. Она называлась «Труженик моря». С тех пор я постоянно живу интересами своего народа и стараюсь показать его труд, его борьбу, надежду. Но выставить свои картины, дать увидеть их тем, кого они изображают, в США невозможно».

Что же требуется в таком случае от художника? Вот, например, свидетельство немецкого искусствоведа Хорста Енера, который пишет, что в ФРГ «цены на произведения искусства устанавливаются предпринимателями, от них зависит назначение стипендий, они финансируют поездки студентов за границу и за все это требуют от искусства по меньшей мере нейтралитета. Ни забастовки рабочих, ни ремилитаризация Германии, ни тем более угроза атомной войны не должны выбираться в качестве тем для произведений искусства».

Все это идет вразрез с одним из основных аргументов формалистического «авангарда» — тезисом о пресловутой свободе творчества, о независимости художника от социальных, политических движений своего времени. Вот уже семьдесят лет апологеты формализма твердят о свободе, о надпартийности художника и продолжают каждым своим произведением демонстрировать именно несвободу от буржуазного покупателя, от вкусов и требований капиталистического общества. Как тут не вспомнить мудрые ленинские слова, сказанные семь десятилетий назад, о том, что «абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность)». После этих слов в статье «Партийная организация и партийная литература» шли знаменитые слова: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Последующие годы дали множество доказательств мнимой независимости художника в странах капитала. О какой свободе можно говорить, если гениальные фрески Диего Риверы на стенах американского Музея современного искусства были уничтожены только потому, что не понравились заказчику: там были изображены правдивые сцены народной жизни.

Так выглядит истинная «свобода» художника в буржуазном обществе. Она преподносится как неограниченная свобода самовыражения, впрочем, при одном «небольшом» условии: художник не должен вторгаться в реальную народную жизнь, изображать подлинные контрасты и противоречия капиталистической действительности. Таким образом сводится на нет сама природа искусства — познание и изображение жизни, активное воздействие художественными образами на людей, борющихся за переустройство мира на новой, гуманистической основе.

А в остальном, если из искусства вычесть собственно искусство, художник может свободно «самовыражаться». Вот уже несколько десятилетий формалисты не перестают удивлять человечество различными хитроумными «измами»: кубизм, футуризм, абстракционизм, экзистенциализм, орфизм, ташизм, супрематизм, неопластицизм, дадаизм, абсурдизм, поп-арт, оп-арт, боди-арт, «мобили» и прочее и прочее.

Один из основоположников абстракционизма, Казимир Малевич, совершенно серьезно писал о ликвидации искусства в модернизме, о ненужности профессионального мастерства во всех этих изломах спекулятивного формализма. «О живописи в супрематизме не может быть и речи,— откровенничал Малевич,— живопись давно изжита, и сам художник — предрассудок прошлого».

Речь идет, следовательно, о прямом самоуничтожении искусства. Я говорю об этом без малейшей иронии. Ведь нельзя же назвать искусством произведения, созданные, например, ослиным хвостом. Несколько лет назад директор Балтиморского зоопарка Артур Уотсон, прочитав в одной из газет заметку о том, что трудно определить, созданы ли рукой человека некоторые абстракционистские картины, решил поставить эксперимент. Он обмакнул в краску хвост мексиканского осла по имени Джек, и тот, обмахиваясь, бил им по установленному полотну. По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, Уотсон попросил Уилсона Байнбринка, художника и преподавателя художественного училища, оценить это произведение, которое он назвал «Черные штрихи». Расплывчатые черные пятна и нитеподобные линии, идущие во всех направлениях, видимо, произвели впечатление на Байнбринка, и он похвалил картину. Когда Уотсон сообщил, что ее «творец» — осел Джек, художник, смутившись, объяснил: «Но она так изящна. Если эту картину вставить в рамку и представить художественному жюри, то нет никакого сомнения в том, что ее примут за работу очень серьезного абстракциониста».

В только что вышедшем коллективном сборнике «Буржуазная эстетика сегодня» приводится поразительный факт из практики так называемого «самоубийственного», или «самоуничтожающегося», искусства. Недавно на одной из улиц Нью-Йорка появилась странная машина с 18 колесами различного диаметра и с 400 двигающимися деталями. Остолбеневшие прохожие с ужасом и смехом наблюдали, как странная машина была приведена в действие «и в течение получаса все в

СТИ АБСТРАКЦИОНИЗМА

ней крутилось, пыхтело, визжало, трещало в сопровождении пронзительной музыки. Затем машина вспыхнула». Заблаговременно подготовленные пожарные уняли пламя и спасли остатки «произведения искусства новейшего образца».

По этому поводу можно немало иронизировать, но вот ведь серьезный американский журнал подводит под «самоуничтожающееся» искусство некую «теоретическую» базу насчет того, что «цивилизация, полузагипнотизированная перспективой атомного самоубийства... и, кроме того, состоящая из смертных, может быть прекрасно отражена в произведениях, содержащих в себе семена своего собственного разрушения».

Приверженцы модернизма заявляют в своих манифестах: «Больше не надо художников, не надо литераторов, не надо музыкантов, не надо скульпторов, не надо религии, не надо республиканцев, не надо роялистов, не надо большевиков, не надо политики, не надо пролетариев, не надо демократов, не надо армий, не надо полиции, не надо родины, хватит, наконец, всех этих глупостей, не надо больше ничего, больше ничего, ничего, НИЧЕГО, НИЧЕГО, НИЧЕГО».

Отрекаясь от самого святого, что есть у человека,— родины, модернистам ничего не стоит отвергнуть и бесспорные ценности реалистического искусства. Наши доморощенные «авангардисты» и их западные покровители, например, всерьез утверждают, что те непрофессиональные поделки, которые зрители могли видеть в прошлом году на их выставках, новаторство. На самом деле мы видели в этих экспозициях всего лишь жалкое подражание формалистическим трюкам 20-х годов, которые сегодня кому-то показались откровением.

Трудно назвать в истории искусства время, когда художники и критики не спорили бы о новаторстве. Это действительно коренной вопрос. И каждый большой мастер, которого мы сегодня называем классиком, был для своего времени и остается для нас подлинным новатором. Достаточно вспомнить имена Андрея Рублева и Александра Иванова, Левицкого и Сурикова, Репина и Валентина Серова. Их картины составляют нашу национальную гордость, нетленное духовное богатство. И, заметьте, чтобы стать таким подлинным новатором, нужно посвятить свой талант народу, великим историческим и прогрессивным общественным целям, нужно овладеть вершинами профессионального мастерства. В наше время это значит быть верным ленинским идеалам партийного, народного искусства, это значит исповедовать и утверждать принципы социалистического реализма.

Что касается наших формалистов, то они выражают свой личный пессимизм по отношению к сегодняшней действительности, неверие в перспективы реальной жизни; они уходят от нее в «кривое зеркало» эстетических переживаний самых уродливых, неэстетических явлений и в «чистый мир» символов. А по существу своему это — снобистское равнодушие к трудам и борьбе народа.

Претендуя на создание истинных творений, наши «новаторы» не поднимаются выше посредственных ремесленных поделок, повторяющих зады давно пройденных живописных исканий. На память приходят слова о том, что декадентствующие художники начали «с культа красоты, а кончили безобразием». Такова неотвратимая логика их «исканий».

Вот уже несколько десятилетий трубадуры модернизма твердят об «открытиях» модных течений, но ведь они остаются модными лишь для очень узкого круга пресыщенных мещан от искусства. Можно сослаться на десятки свидетельств непопулярности модернистских произведений. Поскольку наши «авангардисты» так любят оглядываться на Запад, то почему бы им не прислушаться к свидетельству одного из крупнейших современных художников, писателя Леонгарда Франка. «Я пришел к выводу,— написал он,— что абстрактная живопись достигла точки, которую ей не перешагнуть, что она обречена, что все производимое сверх имеющегося может быть лишь чистым идиотизмом, что абстрактные художники должны вернуться к предметной живописи.

По-моему,— продолжает Леонгард Франк,— искусство должно отображать тематику и проблемы данной эпохи».

На страницах лондонской газеты «Таймс» критик Эдвард Люси-Смит не так давно утверждал, что модернистские картины уже плохо покупаются, галереи с абстракционистскими полотнами закрываются, публика не испытывает интереса к штукарским произведениям, хотя реклама уверяет в обратном. Нынешний авангардизм уже не в состоянии поразить воображение зрителя, увлечь его.

Впрочем, так было всегда. И, пожалуй, это является самым весомым ответом на многочисленные утверждения наших недругов насчет того, что реализм, мол, устарел, изжил себя.

Нет, реализм не устарел; он каждый год дает новые доказательства своей жизнеспособности и творческой неисчерпаемости. Реализм не может устареть, потому что это живое, вечно развивающееся искусство, сохраняющее прочную преемственность с великими открытиями художников прошлых веков, тесные связи с народной жизнью. Может ли устареть «Джоконда» Леонардо да Винчи или «Борющийся раб» Микеланджело? Разве перестанут когда-нибудь люди восхищаться греческим Парфеноном или Московским Кремлем?

В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин, разбирая «новаторство» формалистов, считавших необходимым не только отказаться от классического наследия, но и уничтожить его, говорил: «Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

Те художественные «ценности», которые предлагают наши нынешние фрондирующие живописцы, не имеют ничего общего с подлинными интересами искусства.

Искусство появилось и формировалось как могучее оружие познания, как совершеннейший способ самосознания человека в сложном мире социальных отношений, выработки в нем лучших творческих способностей для построения лучшей жизни. И превращать такой мощный и одновременно тонкий инструмент духовного освоения мира в игрушку анархистских страстей, в орудие шаманских упражнений — значит потерять в конечном счете всякое уважение к искусству, потерять чувство ответственности перед самим собой, если ты считаешь себя художником, и главное — перед народом, который в напряженных трудовых буднях строит социалистическую новь.

«Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство»,— говорил В. И. Ленин.

Народ самоотверженно трудится — пашет землю и строит города, плавит сталь, растит и воспитывает детей, возводит гигантские электростанции, запускает космические корабли и предоставляет возможность тем, кто способен к художеству, создавать произведения как необходимую духовную пищу, как уникальное средство осмысления и преобразования жизни на коммунистических началах. Хочется воззвать к элементарному чувству сыновнего долга, требующего от каждого из нас творческой самоотдачи, подлинного вдохновения, истинного художественного горения. Ведь никогда еще прежде живописец и писатель, музыкант и скульптор не пользовались таким всенародным уважением, высоким государственным признанием.

С каждым годом возрастает потребность широких масс в настоящем высоком искусстве. У нас для каждого честного художника найдется широкое поле деятельности. Общественные и советские организации, заводы, колхозы и совхозы заинтересованы в том, чтобы иметь в своих дворцах культуры и клубах талантливые живописные картины, скульптуры, мозаичные росписи, фрески, витражи. В последние десятилетия особенно бурно развивается монументальная пропаганда; в городах и поселках, на местах боевой и революционной славы возведены замечательные монументы и целые ансамбли.

Но, к сожалению, появляются еще посредственные работы, бескрылые создания, не выражающие героического пафоса нашего народа-созидателя. Иногда встречаются и факты нетребовательного отношения части зрителей к идейно-художественному качеству произведений, в которых ощущаются чуждые нашей идеологии влияния.

Мне кажется, что перед Министерством культуры, Академией художеств и Союзами художников стоит серьезная и важная задача — строже относиться к тем произведениям, которые должны быть показаны на выставках, чтобы оградить наших зрителей от несовершенных и ремесленных работ, и, конечно, всемерно заботиться о повышении мастерства. Ибо подлинного новаторства не может быть без овладения богатейшим арсеналом художественных средств.

Выступая в прошлом году на XVII съезде комсомола, Леонид Ильич Брежнев заметил:

«За свою большую историю советская литература и искусство знали немало попыток увести их в сторону от жизни, оторвать от наших идеалов. Да и сейчас на Западе не отказались от этих устремлений. Отдельные отщепенцы и заблудшие люди и у нас пытались подпевать нашим классовым, идейным врагам. Но все их потуги оказались тщетными. Почва у нас крайне неподходящая для произрастания подобных сорняков».

Почва у нас действительно неподходящая для формалистических изысканий, чуждых и непонятных трудовому человеку. Заканчивая эти заметки о бесплодности и вредности формалистических откровений «авангардистов», хочу напомнить слова В. И. Ленина, которые каждый художник должен всегда помнить и руководствоваться ими в своей практике: «Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

О

Отряд Федора вырос из диверсионной группы, которую забросили в наши места летом сорок второго года.

Долго группа действовала самостоятельно, контролировала участок железной дороги и шоссе Гомель—Речица, поддерживая связь с северными отрядами и бригадами — Гомельскими, Буда-Кошелевскими, Стрешинскими. Потом отряд влился в нашу бригаду и с прошлой весны выполнял особые задания, о которых даже большинство бойцов имело смутное представление; партизанам отряда не нравилось, что они стали редко выходить на железную дорогу и шоссе, редко вступать в открытый бой, а частенько скрывались от немцев и даже полицейских.

Я только догадывалась об основной скрытой деятельности отряда. Может, я преувеличиваю роль своей бригады, может, другие бригады и партизаны занимались этим не меньше, но мне казалось, что с ранней весны сорок третьего года очень активизировалась деятельность нашей армейской разведки в Гомеле и вокруг него и что разведчики засылались именно через нашу бригаду, через нас поддерживалась и связь с ними.

На разведку работало почти все наше связанное с бригадой гомельское подполье. Многочисленные нити этих сложных связей с подпольем и разведчиками и держал в своих руках Федор. Строевой офицер, капитан, человек, удивительным образом соединявший в себе многие качества, самые противоположные, например, отчаянного диверсанта и необыкновенно осторожного и до тошноты, как сказал однажды о нем Павел Адамович, точного штабиста, который терпеливо, настойчиво, предусматривая все до мелочей, планировал каждую самую простую операцию; например, один из почти ежедневных партизанских налетов, который комбриг и Володя Артюк обычно решали за три минуты, Федор разрабатывал бы всю ночь.

Не отступая далеко от города, отряд, однако, часто менял место стоянки — в то лето у него не было постоянного лагеря.

Я тотчас же поняла, что отряд снялся из Калинок, раз на болоте нас никто не задержал, и испугалась: где же их искать? Что случилось? Такого еще не было, чтобы в штабе бригады не знали, куда исчез отряд. Связала пронырливость полицая с исчезновением отряда и насторожилась: не напороться бы на карателей. Но чрезмерная бдительность на этот раз подвела меня. В Калинках — так назывался молодой густой лес в болотной зоне — нас задержали странным образом. Не окликнули, накинулись врасплох. Двое — на меня, третий, здоровенный, прыгнул на Машу. Но с ног ее не сбил. Сам оказался на земле. Рванувшись, Маша японским приемом ударила его по шее и по солнечному сплетению, перекувырнула через ногу.

Я сразу же узнала партизан из отряда и отдала автомат без сопротивления. Тут же послышался голос самого командира:

— Стойте! Свои!

Он вышел из-за кустов в чисто выстиранной военной форме, низкорослый, аккуратный, подтянутый, напряженный, как сжатая пружина; ходил он, как на параде, высоко поднимая ноги, и ступал действительно пружинисто, вприпрыжку.

Я сильно разозлилась на него. Нашел на ком тренировать своих разведчиков, могли руки вывернуть или я могла вырваться и резануть из автомата. Умный человек, а делает глупости! Не видеть же меня партизаны не могли, так как у них я была нередкой гостьей.

Командир увидел, что я разгневана.

— Прости, Валечка.— Обращаясь к своим всегда по-военному «товарищ партизан», «товарищ боец», меня Федор всегда называл так вот ласково-уменьшительно, как маленькую; изредка мне это нравилось, но чаще обижало, в зависимости от настроения.

Командир разговаривал со мной, а смотрел на Машу с повышенным интересом, скорее даже с восхищением, сразу, бесспорно, догадавшись, кто она. Скомандовал партизану, корчившемуся на земле от Машиного удара в живот:

— Встать, товарищ боец! Постыдись женщин!

Но тому нелегко было подняться.

— Когда в расположении отряда появляются вооруженные люди, прежде всего их надо бесшумно обезоружить,— говорил командир поучительно, как наставник на уроке.— На рассвете какой-то тип пробрался в лагерь. На допросе молол ерунду и окончательно запутался. Пришлось шлепнуть. А утром над лагерем висела «рама».

Наверное, от слова «шлепнуть» Машу снова затошнило.

Федор не по-командирски, очень уж както по-мирному забеспокоился:

— Что с вами? Заболели?

Обо мне когда-то, когда я заболела у него в отряде, он так же заботился — не просто как командир, а как лекарь и нянька. Но все равно такое его внимание к Маше неприятно задело меня. На Машу я глядела теперь требовательно и внимательно: «Не проявляй, дурочка, своей слабости. Я смолчала бы о ней».

По дороге я думала, как рассказать о происшествии с полицейским так, чтоб не упоминать о том, что он захватил нас голых, в реке. Говорить надо правду, однако с маленьким пропуском или отступлением. Да и вообще лучше рассказать так, чтоб другие партизаны не слышали, а то будут хохотать, передавать, сочинять анекдоты. Я же вовсе не была заинтересована в том, чтобы меня часто вспоминали, а Маша — тем более. Своим же неуместным хныканьем она как бы выдавала всю правду.

Мы отстали немного с Федором, и я по-военному кратко доложила о случившемся происшествии. Утешило, что такой требовательный командир, который выступал против всякой «партизанщины», купание наше принял как самую естественную человеческую необходимость. Действительно, почему бы не искупаться в такой день? По своей земле ходим. Но история с полицейским командиру не понравилась. Преследование нас полицаем на лугу и то, что он так долго следил за нами,— все это Федор связывал с проникновением шпиона в их лагерь и с разведкой «рамы». Кстати сказать, то, что мы уничтожили его, полицая, командиру не очень-то понравилось, хотя и он согласился, что другого выхода не было, что Маша — молодчина, и, похоже было, восхитился ею еще больше.

Я знала запасной лагерь отряда. Но командир, наверное, спланировал какой-то слишком сложный маневр, поэтому разместил отряд странным образом: недалеко, версты за три от оставленного лагеря, на взлесье большого бора. Впереди раскинулось широкое поле, засеянное не только рожью, но и — полосами — картошкой. Рожь начала уже половеть, а картошка цвела вовсю. В конце поля виднелись верхушки верб, там, в пойме речки, скрывалось село, через которое я много раз ходила.

Отряд вроде бы занял оборону, но зачем командиру понадобилась оборона, понять было невозможно, у него все сложно. Да и напряженности особой не чувствовалось. Группа партизан, раздетых по пояс, сидела под соснами и резалась в карты. Правда, когда командир подошел, все по-военному подтянулись. У Федора было так, как в армии.

Со мной партизаны здоровались, как со своей знакомой, не обращая особенного внимания, знали: связная бригады. Машу, бесстыдники, пожирали глазами. Не удивительно — новенькая и такая красавица: бледность придавала ей притягательную загадочность. И у меня снова шевельнулось недоброе чувство, опять подумалось о том, к кому я должна привести ее...

Сказала потихоньку командиру, что не надо ее выставлять так, слишком приметная, что, мол, никогда нельзя быть уверенным, что среди полсотни людей не может не быть одного... ненадежного.

Сказала мягко, но Федор все же обиделся:

— Что это ты, Валька! Откуда у тебя такая подозрительность? Своим людям я верю, как самому себе.

Но скрыл нас в командирском шалаше, только что сооруженном: свежие березовые ветки пахли по-праздничному, как на троицу.

Туда нам принесли по котелку такого пахучего, заправленного борща, что у меня закружилась голова. Федор, между прочим, отличался еще и этим: в любых обстоятельствах умел накормить людей варевом — его не раз хвалили на совещаниях в штабе; хотя другие командиры тайком посмеивались над такой его домовитостью и недолюбливали за армейские привычки, а все же величали его Суворовым.

У Маши от запаха борща начались такие мучительные спазмы, что мне пришлось с котелком пойти в лощину, где рос орешник и стояли отрядные кони, и там в одиночестве, как бы прячась от людей, я охотно съела две солдатские порции, после чего меня сильно потянуло ко сну. Но спать было некогда, надо было обсудить наш завтрашний поход.

Я уважала Федора, так как чувствовала, что и он уважает меня и как-то особенно, по-отцовски переживает каждый мой поход в город. Сначала мне нравилось, как долго и подробно он планировал мои походы, чертил схемы, это определенным образом поднимало значение моей малозаметной персоны. Но на практике планы эти я не выполняла — невозможно их было выполнить, так как каждый раз все было по-новому и значительно проще, чем представлялось командиру. Может быть, меня и спасало не раз то, что я выбирала самое простое решение, без какой-либо заданности и загадочности.

Мы вышли в поле и скрылись в бурьяне, командир прилег на бок, я села напротив. (Кстати сказать, это Федор когда-то сказал, что уши могут быть и у деревьев; у него удивительно сочетались сверхбдительность, скрытность с большой доверчивостью к людям.)

Про Машу он спросил коротко:

— Армейская?

— Да.

— Слабенькая.

— Первый раз и вдруг такое... убить человека...

— Недоработали,— вздохнул он, искренне огорченный тем, что и в таком серьезном учреждении, как армейская школа разведчиков, может быть определенная недоработка. Я хотела возразить — а как можно научить убивать? — но смолчала, зная, что Федора лучше не трогать, не оспаривать, а то потом придется выслушивать целую лекцию. А мне хоте-

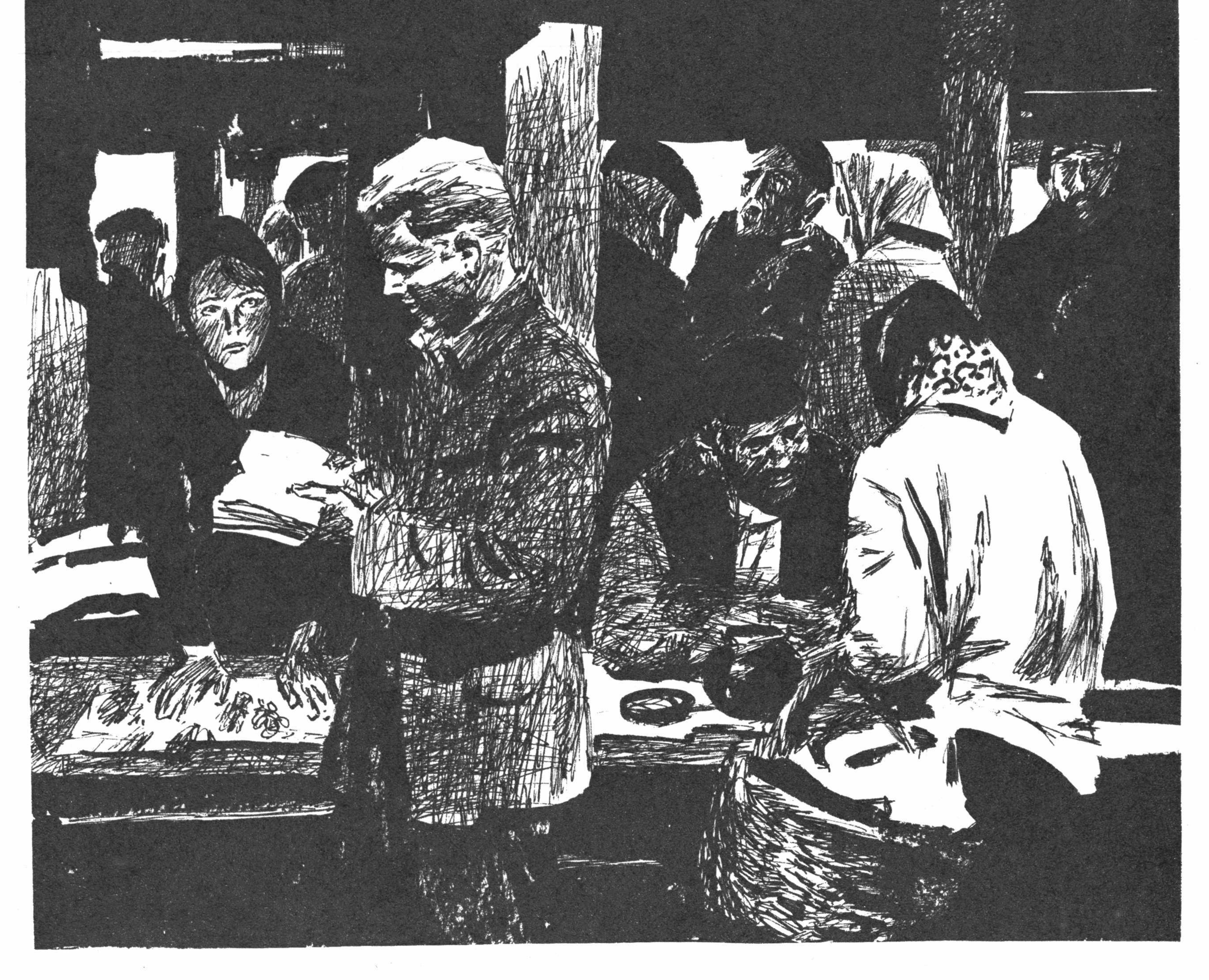
Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—31.

Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

БРАЧН

лось спать, слипались веки, и я боялась уснуть во время разговора: я не Маша, мне стыдно выявлять свою слабость.

Я сказала, куда надо отвести разведчицу, с кем связать ее.

Федор, если не считать меня (я знала только своих), был четвертым человеком в бригаде после командира, комиссара и начальника штаба, который знал все явки в городе.

Он высказал пожелание перебросить нас ночью, поскольку у них есть надежная тропка. Чтоб не идти ночью по городу, можно дождаться утра у карьера кирпичного завода.

Но я подумала о Степане. Это его выдумка, что я сестра его. Вообще я хожу открыто и так должна прийти. Это — самое надежное решение. Подозрений не возникает даже у хозяйки Степана. Никакой таинственности в моем посещении Степана не должно быть. Один неверный шаг может вызвать чью-нибудь подозрительность. Впервые я решительно, чем и удивила Федора, отклонила его варианты, первый, потом второй и третий...

Он даже разозлился:

— А ты что предлагаешь?

— Пойдем напрямую, через все посты. С ягодами и яйцами. На рынок. Завтра воскресенье. Помогите нам достать яйца и ягоды. Больше ничего, все будет исполнено.

Командир сморщился: не любил он такой простоты, лишних забот; возможно, ему казалось, что такой именно переход связных в город делает легкой, несерьезной работу его спецотряда. Действительно, вместо того, чтобы разрабатывать с разведчиками план ночного похода, он должен послать ребят собирать землянику, которой еще не так много, и доставать яйца... Особенно неприятной была «операция» с яйцами — не любил, чтоб его партизаны отбирали что-нибудь у своих людей. Фрицевское это занятие. Он откровенно спросил, нельзя ли без яиц.

— Нельзя. Постовым надо дать взятку.

— Не хватало еще кормить фашистов!

— А что сделаешь, Федор Тихонович?

Я старалась быть ласковой и деликатной, зная его упрямство и готовность к сложным операциям: у меня крепло убеждение, что лучшего варианта искать не надо, что давно проверенный — самый надежный. Мне, как никогда, нужна была такая собственная убежденность в надежности операции. Одна я верила в свое счастье. А каково счастье у Маши?

Командиру не понравилась моя настойчивость, такой я никогда не была прежде, когда мы обсуждали мои походы; я соглашалась, хотя потом поступала по-своему и только Павлу Адамовичу признавалась в этом, никогда, однако, не ставя под сомнение планы командира спецотряда, мол, обстоятельства вынудили пойти другой дорогой, встретиться сначала не с тем, а с другим, и Павел Адамович усмехался, хвалил меня за находчивость.

Капитан верил в силу своих приказов, но положение связной бригады понимал и никогда по отношению ко мне не злоупотреблял своей командирской властью.

Нехотя вынужден был согласиться, сказав:

— Валька, очень уж не понравилась мне такая просьба, удивляюсь примитивности твоего намерения... Ты же опытная разведчица...

— Ягоды и яйца понесут многие... Завтра воскресенье.

— Понимаю твой психологический расчет... Но она,— кивнул он в сторону шалаша, где осталась Маша,— не ягодная, вот в чем корень...

— Ничего. Теперь все ягодные, все есть хотят. И соль всем нужна.

Днем мне хотелось спать, а ночью никак не могла заснуть. С вечера донимали кома-

АЯ НОЧЬ

ры. Ночью кричали совы, две или даже три, как дети, потерявшиеся в лесу. Неспокойно ворочалась и разговаривала во сне Маша. Мне становилось страшно от совиного крика и оттого, что Маша говорит во сне.

Я думала о Степане. Думала иначе, чем прежде. За прошлое мне было стыдно — не партизанское это все, бабье. Но и так нельзя рассуждать. Нельзя чего-то бояться. Разве не рискует он каждый день и без нас... без Маши? Я же, как каждый хороший солдат, никогда не думала об опасности, угрожающей мне и всем тем, друзьям, близким, что идут рядом со мной. Таков закон войны. Что же его так нарушило, этот закон? Почему я всего начала бояться? Это же плохо! Я уже наделала немало ошибок, которые мог сделать только паникер. Такого никогда со мной не было. Может, это потому, что я не спала в прошлую ночь? Надо хоть немного поспать. А то так совсем обессилеешь. Да, надо заснуть. Если бы не совы. Противно плачут совы. Зловеще. Голосят, как по покойнику. Ах, Степа, Степа...

До войны мы учились с ним в железнодорожном техникуме, только он был на третьем курсе, а я на первом. В лицо я его знала, как и других парней. Нас, девчат, в техникуме было мало, и старшекурсники иногда заходили к нам, приглашали в кино, в театр. Но немногие из нас, деревенских, шестнадцатилетних, отваживались на такой «подвиг» — пойти гулять со старшими.

Весной, уже перед самой войной, я познакомилась со Степаном ближе. По дороге домой в канун Первого мая мы вместе оказались на пароходе «Водопьянов», который шел из Гомеля в Киев, и тут выяснилось, что мы земляки, почти из одних мест. Это как-то сразу сблизило нас. Не только наше условное землячество, но и то, что оба мы деревенские. В техникуме в то время студенты резко делились на две группы: городские, преимущественно дети железнодорожников,— большие задаваки (так считали мы) и деревенские, притом случайно или по какой-то закономерности почти все — из самых глубинных полесских районов, оттуда, где о железной дороге только читали в книжках. Я сама увидела впервые паровоз и вагоны, когда приехала сдавать документы в техникум, потом впервые ходила по городу, задрав голову, считала окна в пятиэтажном Доме коммуны и читала различные объявления.

На первом курсе мы и держались отдельно — деревенские и городские. По одежде тоже отличались. Где-то уже на третьем курсе эта разница стиралась, и все были едины и дружны.

Однако этого третьекурсника почти никто из нас не посчитал городским, хоть одет он был уже в хороший костюм. Очень уж у него деревенское обличье: волосы, как переспелая ржаная солома, кажется, и зимой выгорали, и лицо широкое, светлое, как солнце, открытое, с редкими веснушками, что и осенью не сошли, и нос какой-то девичий — курносый. Увидишь такое лицо впервые и почему-то хочется от души рассмеяться. Видно, потому и я засмеялась, когда неожиданно встретила Степана на палубе, и он, немного удивленный, спросил: «И ты комаринская?»

Мне очень запомнилось наше путешествие. Сож еще не вошел в берега, еще стояла большая вода, были залиты луга. В воде плавали лозняки, купались вербы, дубы и сигнальные фонари.

Было прохладно, но мы долго стояли на палубе, вспоминали приключения в техникуме, перемывали косточки преподавателю химии, которого не любили за его въедливость. Замерзли.

Тогда Степан повел меня греться в машинное отделение, рассказал, какая разница между пароходным двигателем и паровозным. Чувствовалось, что машины он любит и знает. Может, благодаря этому у него такое знакомство с командой, видно было, что за три года он много раз плавал на «Водопьянове». Но скорее всего полюбили его тут не за интерес к машинам, а за то, что он словно магнит, все к нему тянутся, самых злых может смягчить. Сам он, смеясь, рассказывал, что его любят даже собаки.

Сколько часов проплыла — и мне так не хотелось сходить в Лоеве,— плыть бы и плыть с ним, хоть на край света. До деревни своей — пятнадцать верст по грязной весенней дороге — я как на крыльях пролетела. И, между прочим, в тот же вечер похвалилась своей школьной подруге Любке-белогубке, которая и так за то, что я училась в Гомеле, а она не поступила, завидовала мне черной завистью. Еще бы! За мной ухаживает студент третьего курса. Мы вместе плыли с ним. Любка даже посинела. А мне потом стыдно стало, что я такая обманщица,— какое там ухаживание! Просто вели себя по-товарищески, как и все студенты. Наши разговоры на палубе только такие вот деревенские несмышленыши, как Любка, могли принять за любовь, ухаживание, за что хочешь. А я почти год проучилась в городе и уже знала, что даже сходить вместе с парнем в кино, в парк — это еще ни о чем не говорит, и о какой любви. Мне просто хотелось, чтоб Степан думал столько же обо мне, сколько думала я о нем. Но уже на третий день я поняла, что несбыточны мои мечты. Куда мне до такого парня! Договаривались, что и назад будем вместе плыть третьего мая на «Чкалове». Но напрасно я шныряла по всем уголкам парохода — Степана нигде не было. Вернулся он пятого или шестого, третьекурсники не боялись запоздать, тем более что у них, кажется, начиналась практика на паровозо-вагонном ремонтном заводе. Поздоровался со мной, как со всеми другими, и ничего не сказал о том, как нам было интересно на пароходе. Потом у него началась практика, и мы не виделись до того дня, когда грянула война. Встретились на митинге. Я слышала, как ребята договаривались, что пойдут в горком комсомола проситься на фронт. А потом мы еще встретились на товарной станции, я была в отряде, который тушил пожар после бомбежки. Увидела, как Степан на маневровом паровозе-«кукушке» растаскивал горевшие вагоны. Девчата даже поговаривали на сей счет — мол, Степан еще не имеет диплома, а ему доверили паровоз. Но особенно не удивлялись: на войне все может быть, кому там до дипломов, когда вокруг все горит и рушится.

Вскоре девчатам младших курсов объявили, что им лучше расходиться по своим домам. Пока не поздно. Стало точно известно, что немцы заняли Минск, подступают к Бобруйску. А у нас были студенты из Минска, из Бобруйска, из районов этих областей.

Правда, когда я добиралась домой по незнакомым тогда еще мне дорогам в междуречье, то война там не очень проявлялась, только в деревнях голосили бабы, провожая мужей и сыновей в армию, да пугали самих себя тем, что, дескать, вдоль Днепра и Сожа блуждают переодетые немецкие парашютисты, но я, к счастью, ни одного не встретила.

Связное дело досталось мне в наследство от Коли Бурца, организатора подпольной комсомольской группы в нашей деревне. У Коли в Гомеле на заводе работал брат Иван, старший, женатый, он имел свой дом в Новобелице. Коля часто ходил к брату и с его помощью связался с заводскими подпольщиками. После того, как Коля не вернулся из очередного похода, большинство из нас подались в отряд «Тараса». Имя командира было Петр Тимофеевич, кто, когда и почему назвал его Тарасом, так я и не узнала за два года партизанства под его командованием, разве что догадывалась: сам себя так назвал в честь Кобзаря, стихи которого он часто декламировал, когда был в хорошем настроении. Я лучше, чем кто другой, знала Ивана, его жену, да и по виду, наверно, лучше, чем кто-нибудь, подходила для того, чтобы послать меня в Гомель и узнать о Колиной судьбе, попробовать восстановить связь с группой «Мастера». В то время, весной сорок второго, только эта группа умела делать магнитные мины, хлопцы выносили их в Макеевское лесничество, а там у лесника их забирал Коля, никого другого лесник не признавал, ни с кем после исчезновения Коли на связь не шел.

Иван Бурец жил и работал по-прежнему. Коля пропал без вести, где, когда — никто не знал, брат сильно переживал его потерю.

Иван наладил связь со многими надежными людьми, даже с одним полицаем — Рыгором Примаком, с которым я встречалась на рынке; он передавал мне сведения о всех гарнизонах Гомельского и Тереховского районов, которые стояли на нашем пути, когда отряд выходил на железную дорогу.

В июне гестапо арестовало всю группу «Мастера». Печальную весть эту принес в отряд Фома Башлыков, немолодой уже человек. Я с ним не встречалась в городе и фамилии его от Ивана Бурца не слышала.

Командованию не понравилось, как Башлыков заявился в отряд, как он рассказывал о деятельности группы — много знал, но, рассказывая о провале и своем спасении, путался, сегодня говорил одно, завтра другое.

Меня снова послали в Гомель с заданием встретиться с Примаком и через него попытаться узнать, как провалилась группа, какова судьба ее участников и кто все-таки Башлыков — полицейскому собрать такие сведения легче, чем кому другому. Но как встретиться с Примаком? Квартиры его не знали. Пойти в полицию? На крайний случай имелся в виду и такой вариант. Но чтоб особенно не рисковать, я снова подалась на рынок: авось, повезет, если не самого Примака встречу, то заведу разговор с кем-нибудь из полицейских и, между прочим, спрошу о своем знакомом, который служит в полиции.

Я сама придумала, чем торговать на рынке. Травами. Лекарственными. Павлу Адамовичу и всем командирам понравилась моя придумка. Травы я немного знала. У нас в селе жил старик Азар Карамаз, деревенский грамотей и врач, всем он говорил, что в царской армии служил фельдшером, хотя в действительности был санитаром. У него имелись книжки о травах, даже три. Он собирал травы, сушил и продавал их в Киеве. Говорил, что только в Киеве люди понимают пользу трав, там даже милиция не прогнала его ни разу с рынка. Даже какой-то известный профессор покупал у него травы и приглашал домой, угощал чаем.

Самому старику нелегко было уже бродить по лесу, по полю, и он научил нас, младших школьников, узнавать лекарственные растения, давал нам какие-то копейки, и мы приносили столько разной травы, что ему хватало не только на продажу, но и козе, которую держал. Директор школы и председатель сельсовета запрещали ему «эксплуатировать» школьников, но мы напрашивались на заработок, так как где еще могли заработать гривенник на книги, да и кино в те годы начали часто привозить в деревню, а мы уже не такие малые были — бесплатно нас не пускали на сеансы.

Вот так помогла партизанскому делу наука старого лекаря. Правда, самого Карамаза пришлось обидеть. На другой день после моего предложения Володя Артюк конфисковал у него сухие травы и одну книгу, самую толстую. Травы старик отдал охотно, расписал названия — догадался, откуда пришли ночные гости. А книгу жалел, доказывал, что хлопцы не разберутся, напутают, что лучше сам он будет собирать лекарства для партизан.

Травы были очень выгодным товаром. Во-первых, их удобно было нести все пятьдесят километров; в то время группы Федора еще не было под городом. Во-вторых, травы не яйца, которые по дороге отбирали хапуги-полицейские и немцы, да и на рынке они собирали дань со всего того, что можно использовать. Пускай берут, пожуют травы. Но, пожалуй, самое главное — это то, что с травой можно простоять на рынке целый день,— не тот товар, чтоб его разобрали за полчаса. Позже я еще несколько раз проносила травы, правда, не всегда их продавала — не было времени торчать на рынке.

Именно тогда, когда я впервые торговала травами, надеясь, что может появиться Примак, я встретилась со Степаном.

Он не сразу узнал меня, я была одета под монашку — черный платок, черная кофта в июньскую жару. Он долго и заинтересованно листал книгу. Всем другим, кто подходил, я начинала объяснять, какая трава от чего — от живота, от головы, от ревматизма, артрита; я сознательно перемешивала простые крестьянские названия болезней с научными, медицинскими.

В присутствии Степана я молчала. Мне не нравилось, как он разглядывает книгу, так же тщательно до него листал ее полицейский — проверял, нет ли в этом какой-то крамолы. Одежда его тоже не нравилась — железнодорожная, новая: хорошие ботинки, отутюженные брюки, китель нараспашку, под ним — новая белая сорочка; правда, фуражки

Б. Мирза-заде. ВЫЕЗД.

В. Штраних. СПОРТ МУЖЕСТВЕННЫХ.

М. Талашенко. ПОРТРЕТ МАСТЕРА СПОРТА Т. ЛАРИНОЙ.

не было, немецкая кокарда на ней сразу выдала бы, где он служит. Но видно было, что фуражку он носил, так как волосы не были такими выгоревшими, соломенными, как в техникуме, потемнели и стали мягче, наверно, недавно, вчера или, может, даже утром, помыл с мылом. А мундиры такие и мыло имеют те, кто служит у немцев на железной дороге. Я почувствовала ненависть к нему: такой активист был в техникуме, в Красную Армию рвался, а где оказался... Не хотелось, чтоб он узнал меня. Нарочно я отвернулась. Но Степан оторвался от книги и... удивился:

— Валя! Ты? — и захохотал:— Торгуешь травами?

Я спросила со злостью:

— А ты чем торгуешь?

— Я служу...

— Вижу, что служишь. Кому?

Он понял, что я осуждаю его. Вздохнул:

— Есть, Валя, хочется. И жить. Умирать рано.

Я ужаснулась от мысли: неужели и он, Степан, мог изменить Родине? Для меня это было все равно, что отец или брат мой перешли бы к фашистам. Я вглядывалась в его лицо: что-то же должно в нем измениться, не может быть, чтоб человек, который предал, ни в чем не изменился. Но ничего особенного в нем я не заметила. Такое же милое, любимое мной, веселое лицо, усыпанное веснушками. Он увидел, как я внимательно рассматриваю его, и весело засмеялся:

— Нет, это же просто анекдот, что ты торгуешь травами. Как бабка... Что ты понимаешь в них?

— У меня дед — лекарь, известный на всю округу. Дед собирает...

— И много ты зарабатываешь?

— На соль хватает.

— Только на соль?

— Тебе соль дают, и ты не знаешь, что это такое: жить без соли.— Тут я сдержалась только потому, что подумала, а нельзя ли его, Степана, попросить поискать Примака?

— На железной дороге служишь?

— Помощником машиниста,— казалось, не без гордости похвалился он и снова засмеялся:— А чтоб сердце присушить, такой травы нет? Принеси.

— Дурнопьяну принесу. Хочешь?

— А что — от него будешь дураком и пьяным? Давай! Теперь все пойдет! Ворожить ты не научилась? Ворожеи теперь хорошо зарабатывают.

Какая пустая болтовня! Ни одного слова такого, чтоб человек как-то раскрылся. Не был раньше он таким. Как интересно он говорил, когда мы плыли на пароходе... Во всем смысл был. Глубокий. Неужели все-таки изменился? Обидно мне стало. Злость начала одолевать: уходил бы ты, парень. Только мешаешь наблюдать за рынком — не мелькнет ли знакомое лицо Примака.

Он купил несколько корней девясила; машинисту, сказал, своему подарю. А машинист, наверно, немец. Заплатив марками, не хотел брать сдачу — на бедность мне оставлял. Оскорбило это страшно. А как ему отомстить? И месть я выбрала странную и рискованную — сказала тихо, правда, чтоб только он услышал:

— А травы я собираю в лесу.

Не сразу дошло до него. Поболтал еще несколько минут и попрощался, пошел, кстати сказать, очень уверенно, никого не боясь, так как имел аусвайс, который защищал его от любой облавы. Пристально наблюдая, я увидела еще раньше, как по-разному люди ходят в городе вообще и на рынке особенно, совсем не так, как у нас, в лесу.

Но через несколько минут Степан вернулся, и вид его как-то сразу изменился, из беззаботного зубоскала он превратился в серьезного парня, немного настороженного.

Пока около меня были люди, он стоял сбоку, прислушиваясь к тому, что я говорю, как объясняю целебные свойства трав.

В предчувствии опасности я начала нервничать: что ему надо? Когда люди отошли, он наклонился и тихо спросил:

— Так, говоришь, травы ты собираешь в лесу?

Я оглянулась так, чтоб дать ему понять, что тут, на рынке, есть люди, которые охраняют меня, и если что случится, то они хорошо запомнят того, кто тут крутился и разговаривал, как старый знакомый.

— Что тебе надо?— строго спросила я у Степана.

Он понял мою настороженность и сказал громко, пускай слышат и близстоящие:

— Ничего. Просто хочу, чтоб ты по-землячески зашла ко мне в гости. Я живу на улице Бакунина, это недалеко.— И назвал номер дома.

Конечно же, в тот раз я не пошла к нему, хотя прожила в городе три дня — «у тетки своей». Через тетку эту, связную нашу, работницу типографии Ганну Фукс (немецкая фамилия давала ей определенные привилегии), я добилась встречи с Примаком и потом ждала, пока тот узнает о судьбе парней из группы «Мастера» и про Башлыкова. Известия были печальные: парней расстреляли в лесу за туберкулезной больницей. А о Башлыкове ничего определенного. Когда гестапо арестовывало, то сделало это так, что даже полиция ничего не знала и не могла узнать. (Между прочим, через некоторое время Башлыков удрал из отряда. Правда, следы его измены ни в чем не проявились. Просто, видно, был трус, испугался и в городе, когда товарищей арестовали, и в отряде почувствовал, что его подозревают, не спускают с него глаз.)

Вернувшись, я доложила командирам обо всех новостях, которые принесла из города, не утаила и про встречу со Степаном. Все рассказала, как было, хотя боялась, что за неосторожность, лишний риск получу выговор. Не думала, что так заинтересует этот парень. Позднее поняла, что в то время почти все соседние отряды мечтали об организации подпольно-разведывательных и диверсионных групп на таком узле, как Гомель.

Павел Адамович спросил не сразу, на другой день, после того, видимо, как командиры посоветовались между собой:

— Не побоишься, Валя, сходить в гости к этому Жданко? Не продаст?

— Мог бы сразу продать. Место было удобное — рынок.

— Да черт его знает. Подумай. Доверяй, но и проверяй.

Сходить мне хотелось. Об этом я думала, когда возвращалась из города. Меня тянуло туда, к нему, хоть и понимала, что это немалый риск. Но в глубине души верила в свою счастливую судьбу. Наивно думала не только об удаче в выполнении боевого задания, но и о своей судьбе девичьей, о бабьем счастье. Думала почти так же, как после поездки на пароходе. Ругала себя за такие мысли: дурочка, все останется по-прежнему, если не хуже, сейчас ведь другое время, другие условия. Не до меня ему. И вообще на что ты надеешься? Смешно! На тебя и в отряде никто не посмотрел из тех, на кого даже сама заглядывалась: Володя Артюк, например.

Но кто же из нас в свои восемнадцать лет не мечтает о чувствах, каких еще нет, и о том, кого еще нет. А если он есть, если поселился уже в сердце,— тем более.

Пошла я с гостинцами — яйцами, салом, самогонкой,— меньше боялась в этот раз немецких постов, больше — хозяев его, Степана. Кто они? Родственники? Чужие люди? Какое у них настроение? Какую легенду для них придумать, чтоб убедила и не испугала? Кто я Степану? Односельчанка? А вдруг они родственники, оттуда же, из Комарина? Вместе учились? Так за каким делом пришла? Только большое горе может привести в такое время из Комарина или даже из Лоева. Какое же горе у меня?

Легенд разных мы выдумали несколько — вместе с Павлом Адамовичем, с Артюком. Но ни одна не понадобилась.

Встретила меня женщина лет пятидесяти. Открыла, между прочим, калитку не сразу, разглядывала через щелку в дощатом заборе. Но и я увидела ее. Лицо ее на первый взгляд показалось суровым и сердитым. Но меня это не смутило. Мне понравился ее простой крестьянский вид, ее одежда. В то время я, хоть и проучилась год в техникуме, все еще недолюбливала и немного боялась городских, кичливых, нарядно одетых. Быстрее всего я знакомилась с деревенскими людьми.

Мы долго, может, минуту или две, разглядывали через щелку друг друга. Не ожидая вопроса хозяйки, я сбросила с плеч свой нелегкий рюкзак, лямки которого натерли мне ключицы до крови, и сказала громко, без всякой таинственности:

— Я к Степану Жданко. Тут он?

Женщина открыла калитку и приветливо улыбнулась, отчего лицо ее сразу подобрело:

— Сестра его? Валя?

Как хорошо екнуло мое сердце! Значит, ждал! Ждал! Ждал! Сам придумал такое. Самое простое. Самое вероятное. О другом я в ту минуту не подумала. Засмеялась от радости и чуть не кинулась на шею этой доверчивой женщине.

— Да... Сестра... Валя... Я...

Легко и быстро мы познакомились, разговорились, как давние знакомые. Но я чувствовала, как нелегко мне поддерживать разговор: Христина Архиповна про «нашу» жданковскую деревню и семью слышала уже немало, а я ничего не знала, даже названия «своей» деревни. Тогда я подумала, что в конспирации Степан наивен, как ребенок. Подготовив хозяйку к тому, что к нему может прийти сестра Валя, он мог легко провалить меня. Хорошо, что хозяйка такая простодушная и сама первая раскрыла замысел Степана.

Дом, как и другие тогдашние дома в том районе, еще во многом напоминал деревенскую хату, очевидно, привезен был из деревни или, во всяком случае, сруб ставили сельские плотники. Всего два окна на улицу, крыша обычная, без скошенных карнизов, гонтовая. Внутри же хата перепланирована по-городскому: с веранды попадаешь в темноватый коридорчик, налево дверь в чистую половину, самую большую комнату, оклеенную обоями, убранную по-праздничному, со множеством фикусов в кадках и огоньков на подоконнике, с фотографиями в рамках на стенах; из этой комнаты низенькая дверь вела в узкую и длинную комнату с одним окном — хозяйскую спальню с никелированной кроватью, на которой гора подушек. Но все это свое богатство Христина Архиповна показала позднее. А сначала повела меня из коридорчика направо — на кухню с русской печью, но и с городской плитой уже с конфорками в припечье: удобно это — хочешь топи печь, хочешь — плиту. Раньше, наверно, вся эта задняя «дворовая» часть хаты была черной половиной, или, говоря по-современному, кухней. Позже ее перегородили и выделили узкую, но светлую — в два окна — комнату. Там жил Степан. Еще до того, как хозяйка сказала, что это «брата моего» комната, я узнала это по запаху; в ней пахло, как на вокзале, металлом, углем, маслом. На подоконниках, самодельном столике, стоявшем в углу, лежал разный слесарный инструмент. Христина Архиповна похвалила Степана: мастеровой парень, за что ни возьмется — сделает, вот, мол, счастлива будет жена за таким мужем. Слова ее о жене меня рассмешили. Вообще, несмотря на подводные камни в разговоре, на необходимость «держать ухо востро», чтоб не сбиться, настроение мое поднялось, так как все складывалось наилучшим образом и все мне нравилось. Окна Степановой комнаты выходили в густой сад; гомельские сады славились на всю Беларусь — город-сад. Порозовевшие уже вишни прямо стучались в окна, просились на стол. А немного поодаль на ветках свисали зеленые, но уже крупные плоды белого налива.

И у меня вдруг больно сжалось сердце: очень уж по-мирному тут все — покой, благополучие, будто и нет ее, страшной войны. А я же неделю назад видела за Сожем, на украинской стороне, сожженную вместе с людьми деревню. Мы на рассвете совершили туда вылазку: может, кто спасся, спрятался или ранен?.. Нашли во ржи мальчика лет шести. Как он испугался, как трясся! Успокоился только тогда, когда узнал, что мы партизаны. Все понимал, как взрослый. И рассказал, как жгли деревню, как мать перебросила его через забор, в рожь, как прошептала: «Беги, Мишка! Удирай!» Гитлеровцы звереют: но повсеместно разгорается борьба с врагом. А тут такой нетронутый мещанский быт. Но потом стало стыдно: чего это я вдруг настраиваю себя против человека, которого совсем не знаю? А может, она, хозяйка, помощницей нашей будет?

Продолжение следует.

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА.

Выступает председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова.

На память о встрече во Дворце пионеров.

В. ВАВИЛИНА
Фото
В. СВАРИЧЕВСКОГО
и Г. ПОПОВА

ДОБРАЯ

Цветы — Ленину.

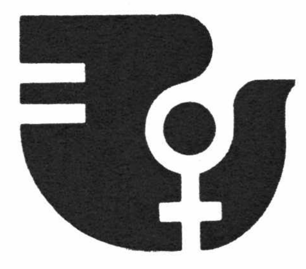

Сосредоточенное внимание зала.

У алма-атинских трикотажниц

ПРИМЕТА

Алма-Ата встретила дождем. Обильным, теплым, таким благодатным в знойную пору.

— Дождь — добрая примета,— говорили женщины на аэродроме, вручая прибывшим букеты цветов.

— Самая добрая,— согласно кивали гостьи. У всех народов Азии дождь — предзнаменование успеха, удачи, добра.

Во имя добра, лучшей жизни для себя и своих детей, во имя справедливости и мира собрались в столице Советского Казахстана руководительницы сорока женских организаций из 25 азиатских стран на семинар, созванный по инициативе Комитета советских женщин в рамках Международного года женщины.

В советскую делегацию, которую возглавила Герой Советского Союза В. В. Николаева-Терешкова, входили представительницы восьми наших республик, расположенных на азиатском континенте и в Закавказье.

Приехала на семинар помощник Генерального секретаря ООН и генеральный секретарь Международного года женщины Хельви Сипила, деятели ряда международных организаций.

...Женщина Востока. Много веков за этими словами стояла трагическая фигура домашней затворницы, само воплощение покорности, полного бесправия.

Теперь выросло поколение женщин Востока, готовых разделить с мужчинами ответственность за судьбы страны, за будущее народа.

Участию женщин в экономическом развитии своих стран и в воспитании подрастающего поколения был посвящен семинар в Алма-Ате.

Каждая участница встречи привезла с собой мысли и надежды соотечественниц, опыт деятельности своих организаций. Уже сам факт создания этих организаций свидетельствует о выросшей активности женщин, о пробуждении их к общественной жизни. Активистки — люди настойчивые, деятельные, их трудом создаются школы по ликвидации неграмотности, кооперативы женщин-кустарей, рождаются женские клубы и социальные центры, открываются ясли и детские сады.

Большинство женщин представляли молодые развивающиеся государства. В их судьбах много общего: главные беды уходят корнями в колониальное прошлое или вызваны экономической зависимостью от иностранных монополий.

Серьезной препоной на пути к образованию и профессиональной подготовке женщин встают предрассудки, старые традиции. Женским организациям приходится вступать в жестокие бои. Спорят с родителями, если те не пускают девочек в школу, восстают против ранних браков — словом, не жалея сил и времени, воюют за новое.

Участницы семинара рассматривали достижение действительного равноправия женщин как проблему социальную, связывали ее с коренными политическими и экономическими преобразованиями всей жизни.

— Существует пропасть между доходами одних и заработком других,— говорила представительница ливанской лиги за права женщин Самира Хури.— Экономикой нашей страны правит группа богачей, составляющая всего четыре процента населения. Поэтому даже урезанный закон об охране женского труда остается на бумаге. Для женщины — самая черная работа, самый низкий заработок.

Все выступавшие горячо приветствовали победу вьетнамского народа, народов Лаоса и Камбоджи.

Решительно противостоять натиску империализма в Азии, добиваться ликвидации здесь агрессивных блоков и иностранных военных баз, превратить Индийский океан в зону мира — эти цели разделяют женские организации.

О горе палестинцев, лишенных своей земли, о страданиях арабских народов на территориях, оккупированных Израилем, рассказывали на семинаре посланцы Сирии и Ирака, Иордании и Ливана.

Участники семинара были едины в требовании справедливого урегулирования на Ближнем Востоке, вывода израильских войск с оккупированных территорий.

Яркую речь произнесла представитель Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама Нгуен Нгок Вьет.

Американский империализм направил против Вьетнама полмиллиона солдат, обрушил десятки тысяч бомб на его землю. Но он вел и другую войну. Полем ее битвы были школы, залы кинематографов, оружием — учебники, изданные в США, журналы, газеты и фильмы. Империализм пытался разложить молодых людей, натравить их на борцов Сопротивления, научить жестокости, заразить наркоманией. Только в Сайгоне десятки тысяч детей страдают наркоманией. Угроза отравления детских душ империалистической идеологией с ее культом насилия, расизма реальна. Женские организации видят свою задачу в том, чтобы не допустить этого, воспитать молодое поколение духовно здоровым.

В перерывах между заседаниями, на встречах с коллективами промышленных предприятий, в заводских больницах, во Дворце пионеров, в совхозах и колхозах гости с жадным вниманием расспрашивали советских людей о работе, о жизни. Но, пожалуй, самый большой поток вопросов обрушился на двух казашек, двух крестьянок. Обе Герои Социалистического Труда, депутаты Верховного Совета СССР. Рисовод Улбала Алтайбаева — мать-героиня. Она вырастила тринадцать детей, старшие получили уже высшее образование, а младший этой осенью пойдет в первый класс. Камшат Доненбаева — трактористка, лучший механизатор республики.

Спокойное достоинство, широта взглядов, зрелость мыслей и мягкая приветливость в обращении — все привлекало в этих женщинах. Они были как бы олицетворением всего строя нашей жизни, наглядным примером решения проблемы женского равноправия в республиках Советского Востока.

Семинар в Алма-Ате был успешным, сбылась добрая примета. Вернулись домой его участницы. Верится, что где-то в Сирии, в Ираке, в Индии или Пакистане рассказывают они о том, что узнали, увидели в Советском Казахстане.

Думаю об этом и вспоминаю строки из статьи Владимира Ильича Ленина, написанной им к 8 марта 1921 года: «...Во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело».

Колхозный рисовод, Герой Социалистического Труда, мать-героиня, депутат Верховного Совета СССР У. Алтайбаева с зарубежными участницами семинара.

В начале двадцатых годов в издательстве «Эрато» вышли в свет «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» — первая книжка Михаила Михайловича Зощенко. «За последующие двадцать лет было издано большое количество моих книг, перечислить которые я не в состоянии»,— писал Зощенко в своей автобиографии.

И в самом деле: около ста тридцати изданий! Попробуй перечисли...

М. М. Зощенко был одним из популярных советских писателей. Не было такого издательства, такого журнала, которые не хотели бы опубликовать его произведения. Михаила Михайловича буквально рвали на части. И, чтобы в один прекрасный день действительно «не разорваться», ему необходимо было самому выбрать себе издателей.

Одним из таких печатных органов, выбранных М. М. Зощенко, стал журнал «Огонек». На его страницах печатались многие рассказы писателя, а «Библиотека «Огонек», чуть ли не каждый год отдававшая ему один из своих выпусков, собрала, по сути дела, все лучшее, что создал он в жанре сатирико-юмористической новеллы. «Аристократка», «Баня», «Кризис», «Нервные люди», «Собачий нюх», многие другие широко известные рассказы М. М. Зощенко сошли к читателю со страниц «Огонька» и его «Библиотеки».

Десятого августа писателю исполнилось бы 80 лет.

Предлагаем читателям рассказ М. М. Зощенко «Сильное средство».

Сильное средство

Говорят, против алкоголя наилучше действует искусство. Театр, например. Карусель. Или какая-нибудь студия с музыкой.

Все это, говорят, отвлекает человека от выпивки с закуской.

И действительно, граждане, взять для примеру хотя бы нашего слесаря Петра Антоновича Коленкорова. Человек пропадал буквально и персонально. И вообще жил, как последняя курица.

По будням после работы ел и жрал. А по праздникам и по воскресным дням напивался Петр Антонович до крайности. Беспредельно напивался.

И в пьяном виде дрался, вола вертел и вообще пьяные эксцессы устраивал. И домой лежа возвращался.

И, уж конечно, за всю неделю никакой культработы не нес этот Петр Антонович. Разве что в субботу в баньку сходит, пополощется. Вот вам и вся культработа.

Родные Петра Антоновича от такого поведения сильно расстраивались. Стращали даже.

— Петр,— говорят, — Антоновичь. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу — разобьетесь же. Пейте несколько полегче. Сделайте такое семейное одолжение.

Не слушает. Пьет по-прежнему и веселится.

Наконец, нашелся один добродушный человек с месткома. Он, знаете ли, прямо так и сказал Петру Антоновичу:

— Петр, — говорит, — Антоновичь, отвлекайтесь, я вам говорю, от алкоголю. Ну,— говорит,— попробуйте заместо того в театр ходить по воскресным дням. Прошу вас честью и билет вам дарма предлагаю.

Петр Антонович говорит:

— Ежели,— говорит, — дарма, то попробовать можно, отчего же. От этого,— говорит, — не разорюсь, ежели, то есть, дарма.

Упросил, одним словом.

Пошел Петр Антонович в театр. Понравилось. До того понравилось — уходить не хотел. Театр уже, знаете, окончился, а он, голубчик, все сидит и сидит.

— Куда же,— говорит,— я теперича пойду, на ночь глядя? Небось,— говорит,— все портерные закрыты уж. Ишь,— говорит,— дьяволы, в какое предприятие втравили.

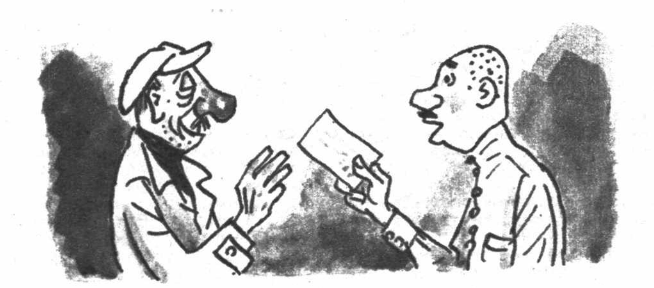
Однако поломался-поломался и пошел домой. И трезвый, знаете ли, пошел. То есть ни в одном глазу.

На другое воскресенье опять пошел. На третье — сам в местком за билетом сбегал.

И что вы думаете? Увлекся человек театром. То есть первым театралом в районе стал. Как завидит театральную афишу, дрожит весь. Пить бросил по воскресеньям. По субботам стал пить. А баню перенес на четверг.

А последнюю субботу, находясь под мухой, разбился Петр Антонович об тумбу и в воскресенье в театр не пошел. Это было единственный раз за весь сезон, когда Петр Антонович пропустил спектакль. К следующему воскресенью, небось, поправится и пойдет. Потому — захватило человека искусство. Понесло...

Публикация Ю. ТОМАШЕВСКОГО.

Б. ПРОТОПОПОВ

КОРИЧНЕВЫЕ

«...Стороженко Елену Викторовну взять под стражу в зале суда!»

Кого взять под стражу? Ее, Леночку?! Ведь мама же обещала хлопотать, пойти в торг, в управление... Вымолить... Значит, не простили?

— Лена!!

Это мама. Волосы выбились из-под платка. Плачет... Неужели все кончено? Нет, не может быть! Пугают только. Сейчас скажут: «Иди домой, Лена, и больше так не делай!»

Конвоир — молодая женщина в военной форме с погонами сержанта — легонько дотрагивается до плеча:

— Идите.

Лена послушно встает, и они выходят в длинный коридор.

Здесь шумно. Люди обсуждают процесс. Когда они проходят мимо, доносятся отдельные фразы: «...И правильно, не влезай в чужой карман...», «Господи, молоденькая какая!..», «Вот ведь что придумала, а!».

Каждое слово хлещет ее, как кнутом. Хоть бы скорей кончился этот коридор... Но комната конвоя в самом конце.

— Проходите,— сухо говорит сержант, открывая дверь, и тут же командует:— Сумочку и все, что есть в карманах, на стол.

У Лены она отбирает розовую тесьму для отделки платья, пудреницу, маленькие ножницы... В комнате несколько конвоиров, и на скамейке трое осужденных. Один из них — пожилой человек — сосредоточенно смотрит куда-то вдаль, что-то шепчет про себя... Полная женщина сидит, уткнув голову в колени. Только смуглый парень с наглыми глазами чувствует себя здесь как дома. Усмехаясь, он смотрит на Лену в упор.

Негромко переговариваются солдаты.

— Савчук, курить есть? Дай, пойду подымлю!

— Некогда курить,— отвечает Савчук.— Сейчас еще двоих приведут, приговор уже читают, и отправляемся!

Все плывет, как в тумане. Что сейчас — день или вечер? Скоро конец рабочего дня. Подруги выбегут стайкой из магазина:

— Ты куда вечером?

— На танцы в парк. Приходи!

— Приду, там увидимся!

— Света, в кино пойдем?

— А что за фильм?

— Не знаю.

— Ну, привет!

— Привет!..

А она здесь...

— Утрись, мымра, размалевалась, как клоун! — говорит, ухмыляясь, парень.

Лена сначала не поняла, что он обращается к ней.

— Не разговаривать!— прикрикнул солдат на парня.— Вытрите лицо платком,— отнесся он к ней.

Лена провела пальцем по щеке. Краска текла с ресниц и бровей. От слез — грязные борозды. Вытерла лицо платком, украдкой посмотрела на свое отражение в оконном стекле. Неужели это она, ненаглядная мамина красота? «Воровка. Вот кто теперь я!»

Уронила руки на колени. «Может быть, мама еще похлопочет? Да нет, поздно!»

За дверью протопали сапоги. Привели в комнату еще двух осужденных.

— Ну, все!— сказал старший конвоир.— Ведите.

Осужденные в сопровождении солдат вышли на улицу, где уже стоял крытый автомобиль.

...Машина, погудев перед воротами, въехала во двор, окруженный каменной стеной.

— А, знакомая местность,— сказал стриженый парень, вылезая первым,— пересыльный пункт. Денька три-четыре здесь погостюем — и прощай, любимый город! ...Не горюй, голубка!— дурашливо крикнул он, хлопнув Лену по плечу.

Та отшатнулась от него, как от прокаженного...

— Доставлены пятеро,— сказал конвоир дежурному, сидящему за столом.

Дежурный взял список.

— Мокреньков!

— Я.

— Мишутин!

— Я.

— Стороженко!.. Стороженко!!!

— Я.

— Громче нужно отвечать...

Закончив процедуру приема осужденных, дежурный приказал развести их по камерам.

В небольшой выбеленной комнате, куда привели Лену, стояли две железные кровати, покрытые серыми одеялами, стол и стулья.

На одной кровати, закинув руки за голову, лежала женщина с красным, оплывшим лицом.

— А, привет, девка,— сказала она,— а то я в одиночестве здесь прямо осатанела!

Не отвечая, Лена села на койку и закрыла лицо руками. Сзади щелкнул замок.

В пересыльном пункте Стороженко находилась несколько дней. Я получил возможность поговорить с ней. Зачем мне это понадобилось? Ведь сомнений в том, что она виновата, не было.

Меня интересовала сама осужденная. Стороженко работала в отделе галантереи небольшого универмага. Зная, каким большим спросом пользуются японские косынки и дамские сумочки «жатый лак», она продавала их по завышенной цене.

На первые вопросы судьи — фамилия, имя — она отвечала тихим, дрожащим голосом, потупив глаза. Ее миловидное личико выражало глубокое раскаяние. Так же держалась Лена, слушая вы-

САПОЖКИ

ступления перед судом своих коллег. Они говорили, что никогда ничего плохого за ней не замечали. Девушка хорошая, покупатели были ею довольны. Участвовала в общественной работе. Они понять не могут, как это она решилась на такое дело!

Но вот начала давать показания покупательница, переплатившая за сумку, и Стороженко уже невозможно узнать. Слезы высохли. На ее лице теперь злость и страх.

— Свидетель, вы можете утверждать, что Стороженко обманула не только вас, но и других?— спрашивает судья.

— По-моему, да,— не очень уверенно отвечает потерпевшая.— Об этом говорили в очереди...

— Неправда!— грубо прерывает Лена.

Страх ее понятен. Если не докажут, что она обманула многих, может быть, дело обернется только ошибкой, а это уже не преступление!

Но вызываются другие свидетели, и подсудимая все ниже опускает голову. И вот оглашается приговор...

Когда она была настоящей? Когда лгала в надежде запутать суд и выйти сухой из воды, или в конце процесса, когда, опустив голову, сказала: «Да, виновата во всем». Что же толкнуло ее на преступление?

Я не рассчитывал на искреннюю исповедь. И действительно, сначала она отвечала лишь отрывистыми фразами.

«Что уж теперь говорить...» «Раз попалась — отвечай...» «Какой вам интерес?» Потом неожиданно сказала:

— Ну что ж, слушайте, может, легче будет... Но прошу вас: не называйте настоящей фамилии и, если можно, мой городок, там многие меня знают в лицо... Спрашивайте!

— Зачем вам понадобились деньги? Ведь никакой нужды вы не испытывали?

В ответ Лена криво усмехнулась:

— Вы, конечно, не поймете...

Я ожидал чего угодно, но то, что услышал, действительно трудно было понять.

Коричневые французские сапожки на высокой платформе, внутри натуральный мех, были причиной.

Когда Лена увидела сапожки на подруге, сердце ее замерло. Ей сказали, что можно приобрести такие же. Ну, само собой, придется кое-кого отблагодарить...

У Лены в то время не было нужной суммы. Вот тогда и пошли сумочки с косынками по повышенной цене. Видите, как просто! Если бы она знала, какой высокой окажется цена этих импортных сапожек!

Самое страшное было назвать стоимость сумочки, с которой срезан ярлычок с ценой, первой покупательнице. То в жар, то в холод бросало Лену, когда покупательница, повертев в руках «жатый лак», недовольно сказала: «Какая дорогая!» Но все же уплатила деньги.

Дальше пошло легче. Оставалось всего несколько сумочек и с десяток косынок. Еще полчаса-час — и никто ничего не узнает. И вдруг...

— Девушка, девушка!— Размахивая купленной сумкой, к прилавку подбегает первая покупательница.— Девушка, я сейчас зашла в магазин напротив, а там такие же на десять рублей дешевле!

— Может быть, другая отделка?— говорит Лена побелевшими губами.— Или... Или я ошиблась, извините.

— Но такую же цену вы назвали и мне,— вмешивается в разговор стоящая здесь женщина. И пристально смотрит на Стороженко.

Лена что-то отвечает дрожащим голосом, оправдывается, спорит. А в голове стучит: «Попалась... Попалась».

К прилавку спешит директор, лицо у него в красных пятнах.

Через несколько дней повестка к следователю.

— Все отрицай, кроме первого случая, — учила подруга,—ошиблась и все! Кто срезал ценники? Не знаю!

И она изо всех сил старалась выполнить «мудрый» совет. Лгала, изворачивалась. Глупо отрицала бесспорные факты, сознавая со смертельным страхом в душе, что все это зря: нужно говорить правду. Но подруга же умнее! В таких переделках была.

Мы долго молчали. Стороженко, не отрываясь, смотрела в зарешеченное окно.

Осунувшееся лицо. Кое-как причесанные волосы. Безвольно опущенные руки. Ее жалко.

«А почему?— вдруг ловлю я себя на мысли.— Имею ли я право жалеть Лену? Жила без нужды, могла учиться, все дороги были открыты перед ней... Сама толкнула себя в болото».

В судебном деле есть упоминание о том, что Лена взяла однажды флакон духов «Ша-Нуар» и «забыла» заплатить. Никто вроде не заметил. Подумаешь, мелочь, пустяк. Но это был первый шаг в трясину нечестности.

Нет, жалость неуместна!

Я собрался уходить.

— Даже и поносить сапожки не пришлось,— с жалкой улыбкой сказала Лена.— Если бы можно было зачеркнуть это все... Открыть глаза и вздохнуть свободно: слава богу, это только сон. И та покупательница с сумкой, и суд, и конвой, и...— Она обвела глазами тюремную камеру...— Если бы можно, если бы можно...

А зачеркнуть уже нельзя!

по следам выступлений «Огонька»

«РЕЙС ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

Под таким заголовком в № 5 «Огонька» была напечатана статья Б. Сопельняка. В ней рассказывалось о движении шоферов-трехсоттысячников, о соревновании и научно-техническом содружестве автозавода имени И. А. Лихачева, Главмосавтотранса и Центрального научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института (НАМИ). Многие тысячи московских шоферов уже включились в движение трехсоттысячников, но на их пути немало «ухабов» — как ведомственного, так и организационно-технического характера.

Например, шофер автокомбината № 26 Н. Н. Смирнов жаловался на отсутствие подъездных путей к новостройкам. Редакция переадресовала упрек Н. Н. Смирнова руководителям Главмосстроя и Главмоспромстроя.

Вот что ответил нам начальник управления подготовки производства Главмосстроя Э. А. Сотник: «Факты, изложенные в статье «Рейс продолжается» о плохом состоянии временных дорог на строительных объектах в Конькове-Деревлеве и Чертанове, проверкой подтвердились.

По Главмосстрою издан приказ «О состоянии дорог в районах массового строительства», обязывающий руководителей производственных управлений и трестов выполнять мероприятия по строительству временных дорог, которые обеспечивают бесперебойную работу автомобильного транспорта, доставляющего строительные грузы новостройкам».

Заместитель начальника Главмоспромстроя В. А. Аншанц, поддерживая движение трехсоттысячников, пишет: «Подъездные пути к строительным площадкам действительно имеют определенное значение в продлении срока службы грузовых автомобилей...

С целью улучшения использования выделяемого автотранспорта в главке разрабатываются мероприятия, предусматривающие создание на строительных площадках наиболее благоприятных условий для его максимального использования».

В движении трехсоттысячников участвуют и водители машин междугородных рейсов. Шофер автокомбината № 16 Е. И. Баранов высказал немало претензий в адрес Министерства автомобильного транспорта РСФСР. Мы получили ответ министра автомобильного транспорта РСФСР Е. Г. Трубицына. Он пишет: «Действительно, существующее обустройство дорог не отвечает современным требованиям и является тормозом в деле дальнейшего развития междугородных перевозок грузов и пассажиров...

Основная причина создавшегося положения состоит в том, что обустройством автомобильных дорог должны заниматься несколько министерств и ведомств (Минавтодор РСФСР, Минторг РСФСР, Минкомхоз РСФСР, Роспотребсоюз, Главнефтеснабсбыт РСФСР, Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС и др.). Однако ни на одну организацию не возложена ответственность за координацию этой работы.

Минавтотранс РСФСР, несущий основную ответственность за организацию и осуществление междугородных перевозок, практически не имеет юридических прав, позволяющих ему оказывать какое-либо влияние на обустройство дорог...

Учитывая необходимость решения указанных вопросов, министерство направило в Госплан СССР и Госплан РСФСР ряд предложений, осуществление которых должно обеспечить надлежащее обустройство дорог.

Минавтотранс полагает, что основные проблемы обустройства автомобильных дорог могут быть решены совместными усилиями заинтересованных министерств и ведомств».

«НЕ УВЕРЕН — НЕ ОБЕЩАЙ!»

В репортаже под таким названием, опубликованном в № 3 «Огонька» за этот год, критиковалась служба быта на Черниговщине и Гомельщине. Уже был напечатан и ответ на это выступление журнала, полученный от Черниговского облбытуправления. А вскоре пришло письмо от заместителя министра бытового обслуживания населения Белорусской ССР Л. К. Куиша. Заместитель министра сообщает, что репортаж «Не уверен — не обещай!» был обсужден на производственном совещании у начальника управления бытового обслуживания населения Гомельского облисполкома. «Факты, изложенные в репортаже, имели место», — пишет заместитель министра.

Обслуживание населения Гомеля будет улучшено. «Так, например, предусматривается открыть в трех районах города филиалы бюро услуг, организовать посреднические услуги по проведению семейных торжественных вечеров, свадеб в ресторанах, кафе и столовых, обеспечить выполнение мелких столярных работ, комплексное обслуживание новоселов, сборку и перестановку мебели на дому. Расширены услуги по уходу за детьми и больными».

Откликнулся на выступление «Огонька» и заместитель председателя правления Черниговского облпотребсоюза М. С. Овчар. Репортаж обсуждался на партийном собрании коллектива хозрасчетного объединения предприятий общественного питания Коропского района и на производственном совещании ресторана «Десна», о котором упоминал «Огонек».

Тов. Овчар пишет, что заведующая производством В. Н. Сиплива и старший повар Л. Н. Синегуб строго предупреждены за бесконтрольность. Далее сообщаются конкретные меры, которые принимаются, чтобы улучшить обслуживание посетителей ресторана. В заключение заместитель председателя правления Черниговского облпотребсоюза пишет: «Работа хозрасчетного объединения предприятий общественного питания Коропского райпотребсоюза взята под контроль облпотребсоюза».

ГДЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ «ОГОНЕК»?

С таким вопросом в редакцию обращаются многие подписчики из многих областей, городов и районов нашей страны.

В №№ 28 и 30 были напечатаны письма читателей, сообщающих о фактах несвоевременной доставки журнала. Подобные жалобы продолжают поступать в редакцию.

Печатаем несколько писем из последней почты.

* * *

Я многолетний, постоянный читатель «Огонька». Покупаю его в киоске «Союзпечати» города Химки в день выхода или на другой день.

Отдыхая в санатории «Подлипки» Мытищинского района, узнал, что «Огонек» поступает в местные киоски только через неделю (все остальные периодические издания поступают своевременно). Расстояние от Москвы до Подлипок такое же, как до Химок, а почему же «Огонек» доставляется туда «дорогой длинною»?..

В. С. ФРИДМАН

Химки,
Московской области.

* * *

Пишу я вам впервые и буду очень надеяться, что вы разберетесь с моим письмом.

«Огонек» я выписала со второго полугодия и начала получать с июля месяца. Вы знаете, какая радость получить первые журналы! Но, к сожалению, моя радость омрачилась, так как «Огонек» № 27, который вышел из печати 5 июля, получен мной 12 июля; № 28, который вышел из печати 12 июля, получен 19 июля. Может быть, этот срок не такой и большой по сравнению с тем, о чем написал подписчик Нератов из г. Тольятти. Но наш город Саратов от Москвы не так уж далеко находится, и мне хочется журнал «Огонек» получать вовремя.

Т. ИСАЙЧЕВА

Саратов.

* * *

За последнее время «Огонек» начал поступать неравномерно. Например, №№ 25 и 26 прибыли почему-то в один день — 5 июля, № 27 — 14 июля, № 28 — 16 июля.

Я выписываю журнал больше 30 лет, привык к нему. А вот к опозданиям с доставкой привыкать не желаю.

Москва — Одесса не имеет никаких промежуточных станций, где «Огонек» мог бы по пути задержаться.

М. П. БОКСАР

Одесса.

С. ТОКАРЕВ

СВОЯ ПО

Быть может, лишь соприкасаясь со спортом, так остро ощущаешь бег времени. В 1969 году — всего-то! — в печати впервые мелькнула фамилия владимирского мальчика, второго призера Спартакиады школьников, слегка напоминавшего Воронина, в то время абсолютного чемпиона мира. Колю звали мальчика, Коля Андрианов. Год спустя олимпийская чемпионка Лариса Петрик сказала о нем: «Воронин его идеал, он ходит воронинской походкой — нарочно, наверное... Ничего, у него еще будет своя походка». А в 1972 олимпийском году мальчик победил Воронина и стал чемпионом страны.

...Мужичок с ноготок, простецкий, себе на уме, глаза и волосы — васильки и лен и вздернутый нос среднерусской, «володимерской» ковки... Оголец переулошный, грабитель вишневых садов по кличке «Гаврош», в застиранных серо-буро-малиновых трусишках, с коленками аналогичного колера, явившись впервые в гимнастический зал, он, бесстрашная душа, боялся одного: как бы не спросили, сколько у него двоек. «Пять»,— просипел в ответ на вопрос тренера. «Тогда я тебя не возьму,— сказал тренер.— Было бы восемь, обязательно бы взял. Надо же быть последовательным человеком — или учиться или не учиться».

Такие вот удивительные слова произнес удивительный тренер Николай Григорьевич Толкачев. Он вообще человек неожиданный, любит огорошить, сбить с толку, его не поймешь. «Вот если сложить вместе европейскую гимнастику и японскую, что получится? Не знаете? Как же так, молодой человек, нехорошо не знать. Получится владимирская гимнастика. А сколько раз в «Евгении Онегине» употребляется слово «брегет», это вы знаете? Совершенно верно: «Пока недремлющий брегет»... И только? А это «Еще бокалов жажда просит»...— вспомнили? То-то. А вот такой вопросик: если бы вы нашли клад — миллион рублей, на что бы вы его употребили?»

Он-то сам абсолютно точно знает способ применения воображаемого клада. Он воздвиг бы понад Клязьмой светлые палаты, и чтобы в них — ковры (гимнастические), и брусья, кольца, кони, турники... Рядом отель... Рядом взлетная дорожка для самолета, на котором его ученики будут порхать по турнирам всех стран света. Толкачев оттрубил войну летчиком-истребителем, у него до сих пор по штурвалу руки чешутся. А об этом таинственном кладе он говорит, пожалуй, всерьез: «Вот же вековые стены — неужели под ними ничего не зарыто?» В нем есть нечто мальчишеское, его галстуки ослепительны, и, находясь в достаточно солидном возрасте, он шикарно расклешил себе тренировочные брюки. Письма он подписывает, слегка озорничая: «С приветом к вам Коля Толкачев из Владимира».

Но, витая в мечтах под облаками, Николай Григорьевич вместе с тем крепко стоит на земле, его практическая, хозяйская сметка завидна. Однажды он мне рассказал начистоту, каких хитростей стоило ему создать в городе специализированную гимнастическую спортшколу. Это был не рассказ даже, а лекция о том, по какой кривой объехать начальство, как выколотить фонды, припереть к стенке подрядчиков, добыть штатные единицы... Он раскрыл все свои личные бескорыстные махинации и в конце категорически пригвоздил: «Это для печати». И я написал. И общие знакомые мне сказали: «Ты погубил Толкачева». А Толкачев ехал по вызову в Москву, в Министерство просвещения, где резонно рассудили: если в интересах налаживания спортивного дела необходимо обходить некие пункты и параграфы, значит, эти устаревшие пункты и параграфы следует пересмотреть. Толкачев точно рассчитал, на что шел.

Он когда-то обещал маме: «Увидишь, я буду лучшим директором лучшей спортшколы страны». Мама, сибирская крестьянка с тремя медалями «За трудовую доблесть», полученными в войну, сурово заметила, что сперва дело надо сделать, а потом уж руками размахивать. Толкачев, конечно, любит слегка прихвастнуть, но, как бы то ни было, школа его беспрерывно строится и растет, и молодая тренерская поросль из тех, кого он сам в институты провожал, следил за учебой и встречал во Владимире с ключами от их новых квартир — шумит и спорит на теоретические и практические темы, учительски чинно величая друг друга по отчествам.

Для иллюстрации педагогических взглядов Николая Григорьевича приведу одну цитату:

«Протокол № 10 заседания педсовета ДЮСШ. Слушали: Воспитательная работа среди юных гимнастов. Докладчик Толкачев. А) Активизация социального опыта ребенка. Б) Тяготение к прекрасному — непримиримость к злу. В) Создание атмосферы активной нетерпимости к мерзости и гадости (к лени, безделью, нерадивости, пустому времяпрепровождению). Г) Нравственная сторона умственного труда. Д) Духовные нити, связывающие ребенка с родными и близкими (нравственное развитие, гармония любви, счастья и труда). Е) Постижение мудрости ограничения своей свободы и желаний. Мудрое и мужественное управление желаниями — это дирижерская палочка, по мановению которой творится гармония человеческой красоты. Ж) Учить любить, а не говорить о любви. З) Невыполнение обещаний порождается бесстыдством. И) В школе и в семье царство правды и доверия. Постановили: усилить воспитательную работу среди юных гимнастов, основой которой является моральный кодекс строителей коммунизма».

И еще одна цитата — из дневника Толкачева: «Андрианов Коля. 1952, 14.Х. Поступил в ДСШ 27 марта 1964 года. Физическое развитие и подготовка средние. К занятиям относится с огромным интересом. Учится плохо. Своенравен. Переведен в пятый класс условно (с четырьмя двойками). Курил все лето, но не часто. С сентября 1964 года начал серьезно относиться к учебе. Арифметика не поддавалась две четверти (3 ставили, 2 в уме). Вел себя хорошо. Бросил курить. Начал собирать вырезки из газет и журналов о гимнастах... Как и все мальчишки его возраста, дерется с девчонками, ершист и упрямец невыносимый...»

Здесь нужно отметить одно важное обстоятельство. Коля вырос без отца, в семье большой и не очень хорошо обеспеченной, и Толкачев в те годы практически заменил ему отца — Андрианов у него и жил. Забегая вперед, замечу, что сейчас Коля Андрианов, наметивший себе тренерскую, толкачевскую профессию, тоже намеревается какого-нибудь мальчишку-гимнаста в будущем именно дома, в семье воспитать.

А тогда было так. Однажды он подрался. Здорово излупленный им соперник со злости крикнул: «Ты приемыш — вот ты кто!» Коля рассказал это Толкачеву: «Он почему меня приемышем назвал — я приемы классные знаю, вот я ему и наподдал!»

Что было в нем тогда гимнастического, в чем виделся его талант? Тонкая, легкая фигура, эластичные, гибкие мышцы, координация, сила природная... Смелость... Азарт...

В 1971 году на Спартакиаде народов СССР при исполнении вольных упражнений Коля сделал ошибку в стойке «спичаг» (запомним этот злосчастный «спичаг», он ему еще дорого обойдется). Закончил комбинацию, а на трибуне кто-то ехидно во всеуслышание заметил: «А «спичага»-то не было!» Коля так и впился взглядом в трибуну. Толкачев был болен, Коле ассистировал Леонид Аркаев, будущий тренер сборной, старый тертый гимнаст. Аркаев потом сказал: «Коль, я уж думал, ты заплачешь». «Я когда плакал-то? — отчеканил Коля своей скороговорочкой.— В детстве только, когда по второму юношескому разряду выступал, во когда!»

В сборную страны он пришел провинциалом, там все тогда были москвичи, и постарше его, студенты, а он — школьник. Ему казалось, что смотрят на него свысока. До боли, до ярости стыдился он хоть какого-нибудь из своих неумений, хоть малейшей слабости в их глазах. Он работал втрое больше, чем они, доказывал, что тоже не лыком шит — надо, не надо... А они точно знали, когда можно и вполсилы. Вдобавок в них — в старшее поколение — въелась тогда спокойно-расчетливая мысль, что японцев им все равно не обыграть, а других в мире соперников у них нет, и нечего зря ломаться: «Айда в баньку попа-

римся» Как-то раз, вернувшись со сбора во Владимир, Коля сказал Толкачеву с чужой бывалой интонацией: «Где нам с японцами тягаться...» Толкачев, каменея сибирскими скулами, процедил: «Пшел вон из зала». И вслед, в спину: «И ты себя русским человеком считаешь?»

В начале пути сила Андрианова была именно в задоре. В русоголовом оптимизме новичка, которому все в охотку и в радость, а страха вовсе нет. Толкачев ведь тоже рядом с битыми, стреляными, огонь и воду прошедшими специалистами казался поначалу наивным провинциалом с его озорной уверенностью, что когда-нибудь сборная, состоящая из одних сплошь владимирцев, возьмет и победит непобедимых.

Почему Коля так быстро взошел на пьедестал, почему перед Олимпиадой обошел и Михаила Воронина и Виктора Клименко? Чеканный Воронин, виртуозный Клименко — они были сильнее всех в стране, сильнее всех в Европе, а выше, казалось, некуда, и от этого сознания, что некуда, они устали. Они знали себя досконально, умели перед выходом к снаряду отчетливейше представить все, что им надлежит сделать — до малейшей детали комбинации. Он не умел. Но ошибались они чаще, чем он. Былая увлеченность гимнастикой потихоньку стала для них

чем-то вроде службы, и в зал вела не страсть — привычка, обязанность. А он спорил, как маленький, кто больше кругов на коне скрутит — на компот.

Он выиграл у них, а потом, в Мюнхене, выиграл у японцев вольные упражнения. Событие это не стало очень заметным, соотнесенное, во-первых, со всеми нашими олимпийскими триумфами и, во-вторых, с привычным, уныло-насиженным вторым местом его команды. Но ведь именно с этого вида многоборья — с вольных — начали когда-то японцы наступление на мировой помост, и с конца 50-х годов они лишь однажды уступили в нем первенство — итальянцу Меникелли, а так всех наголову: цепкие, как черти, в приземлениях, невесомые и виртуозно верткие над ковром и такие легкие, что, закрыв глаза, когда кто-нибудь из них на помосте, ты не услышишь даже звука шага или толчка.

А он, Коля, в Мюнхене оставил позади себя великого «вольника», двукратного чемпиона мира Накаяму, и поблекла улыбка Накаямы, чудо обаяния; он победил статного Касамацу (их главный бой еще приближался); он осилил кряжистого быковатого Кенмоцу... Он взлетел под своды зала белым вращающимся комком и распахнулся в воздухе всей грудью, встал, извернулся, припал к ковру в скульптурно-каменном выпаде...

Вздохнул — словно вся наша мужская гимнастика перевела наконец дух.

Ну, пусть я преувеличиваю значение этой одной лишь тогдашней Колиной медали... Мы ж еще не победили сборную Японии... Не только в этом дело. Андрианов оказался первым из поколения, над которым не довлел «японский комплекс». Вслед за ним пришел в сборную из Грозного Марченко, приехал из Минска Щукин, явился из Львова Сафронов, Микаэлян из Еревана, Шамугия из Тбилиси... Теперь вот — Дитятин и Тихонов. Он проторил им дорогу в команду, и они шли за ним, бессознательно подражая теперь уж его походке.

А дальше — дальше на какое-то время Колина жизнь стала легка. Может быть, слишком легка. Он мог дважды упасть на первенстве страны и все равно выиграть. Он расхаживал по Владимиру в щегольском желтом кожушке, он купил автомобиль, и его друзьями сделались окрестные таксисты. Они учили его править машиной и править семьей — чтобы жена мужа исключительно уважала. Правда, Колина молодая жена Люба Бурда-Андрианова, олимпийская и мировая чемпионка, при всей прелести отличается стальным характером...

Квартиру он получил на одной лестничной площадке с Толкачевым — сам попросил, не учтя некоторых обстоятельств. И вот, например, Любы нет дома — уехала к родителям, а в квартире ремонт: женщина-маляр красит потолок, хозяин сидит в другой комнате — ножка на ножку, музыку слушает. Является Николай Григорьевич: «Это что за картина? Стыдно быть белоручкой, да еще при женщине — дуй ко мне, бери себе фартук и кисть».

Как бы то ни было, но то ли андриановский оптимизм перешел в несколько излишнюю уверенность, то ли — по его собственному признанию — потерял он перспективу, ощущение направления движения... Пожалуй, тут вот в чем разгадка: житейски посолиднев, обретя определенный вес в высших спортивных кругах страны, он решил и свой тренировочный процесс строить тоже самостоятельнее: сколько ж можно в школьниках-то бегать? Стал пробовать новые элементы по принципу «получится — не получится». Иногда получалось, иногда нет. Любопытства, азарта хватало, пытлив он был от природы, знаний же, навыка размышлять — маловато. Был он, конечно, не школьник, но и не профессор — студент.

Словом, на чемпионат мира в Варну Андрианов ехал чуточку на авось — знал, что может победить, что в силах, что пора, но и то знал, что многого недоучил — вдруг пронесет?

Не пронесло. Точно так же, как три года назад, он позорным образом согнул руки в «спичаге» и только со второй попытки выжал эту окаянную стойку силой в вольных упражнениях. И, хотя вроде бы все потеряв, он с жестким, обострившимся, обтянутым лицом до последнего гнался за Касамацу, но догнать не мог. Скажем честно (об этом писалось не раз во всей мировой спортивной печати), победа Сигеру Касамацу в 1974 году в Варне не была полноценной, он ошибался много и грубо, ему помогли иные из судей, и он чемпион не стопроцентный. Но так же честно должны мы признать и другое: Николай Андрианов, выиграй он тогда (вполне по заслугам), тоже не был бы безупречным чемпионом мира.

Безупречным он стал лишь в 1975-м, правда, не мира, а Европы. В Берне. Но я с полной ответственностью могу утверждать: будь в Берне и Касамацу и любой другой из его товарищей, им бы здесь с Андриановым не сладить.

Он мне тогда сказал: «Я в Варне как рассуждал? Полкомбинации позади — все, я дома. Полпрограммы отработал — пишите письма. Поэтому я с турника упал, поэтому в вольных ошибся. Здесь я себе секунды не дал распуститься. Я спросил: «Коля, а почему ты тройное сальто с перекладины не делаешь?» Это тройное — рекордный трюк — он в Варне первым обнародовал на международном помосте, но и раз и другой при приземлении сел на пол. «Я теперь так себе велел, — он сказал, — пока сто из ста не буду делать точно, в комбинацию не вставлю. Сто из ста. Так у Воронина было, так и у меня должно быть».

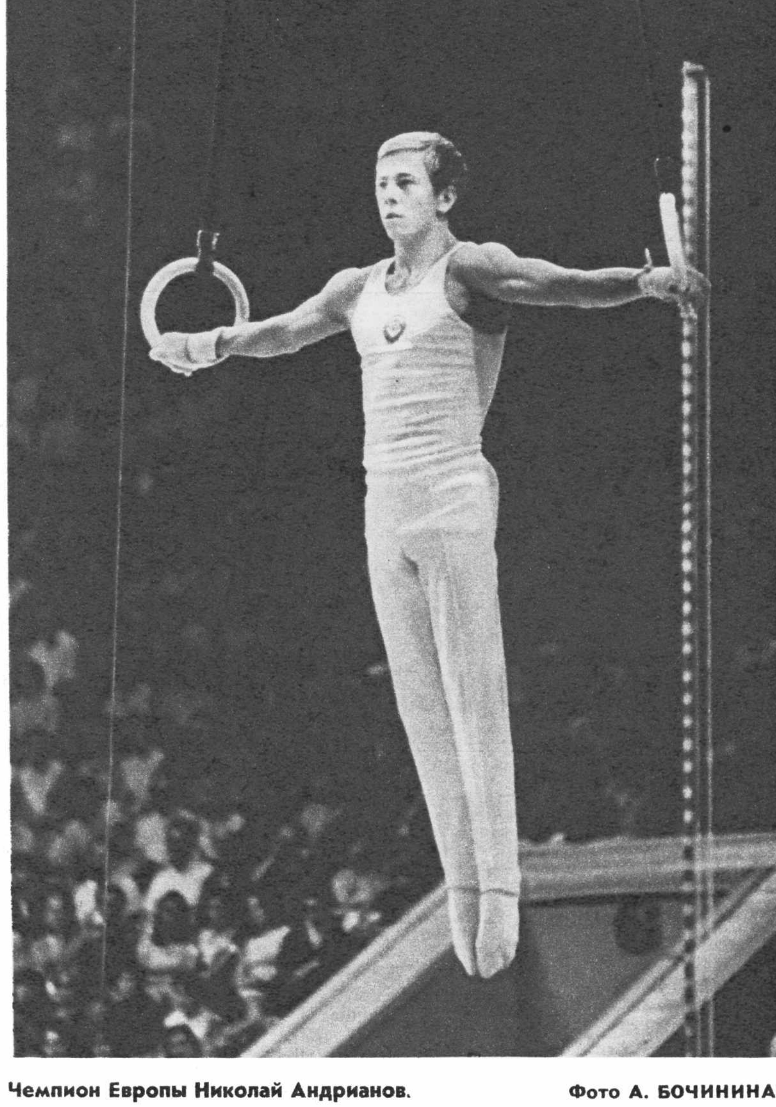
К разным людям взрослость приходит в разное время. Воронин в двадцать один год был боец и мужчина, когда абсолютным чемпионом мира стал. Андрианов повзрослел в двадцать два. Но что это за взрослость в нем такая — не та ли трезвенькая, которой опасался Николай Григорьевич Толкачев?

«Мне, — он говорит, — сейчас опять стало интересно. Я будто уперся в стенку, а потом взял ее и проломил. Мне интересно именно додумываться: почему такое движение, а не такое, как именно работает такая-то мышца...»

Похоже, его счастье состоит в том, что и мыслительный процесс сопряжен для него с азартом, протекает так же лихо, как в детстве — голубиный гон, и что может он по сю пору, вскочив с постели, спросонок, нечесаным бежать во все лопатки через дорогу в зал.

И если есть нечто главное, что поможет ему наконец стать лучшим в мире — во что я верю (не могу не верить), — именно это.

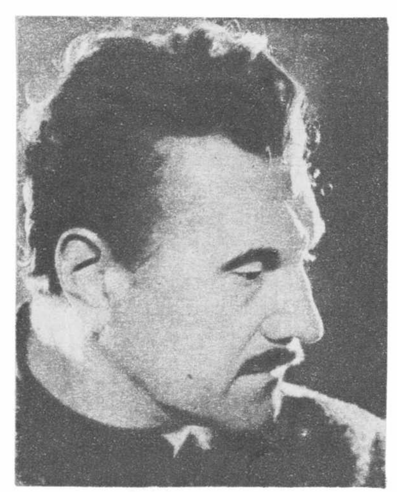
...В аэропорту Цюриха, когда самолет запаздывал и все наши куда-то разбрелись — кто оранжад пить, кто витрины рассматривать, — и мы с Толкачевым остались вдвоем, и он принялся излагать мне очередной ослепительный план подъема владимирской гимнастики на недосягаемую высоту, подошел Коля. Взрослый такой, серьезный... Такой знаменитый... Так сдержанно и ответственно осознающий свою знаменитость... Орденоносец... Делегат комсомольского съезда... Постоял, послушал... И вдруг совсем по-детски положил Николаю Григорьевичу голову на плечо.

Чемпион Европы Николай Андрианов. **Фото А. БОЧИНИНА.**

К 60-летию со дня рождения В. Д. Захарченко

ПОЭТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, МЕЧТАТЕЛЬ

Однажды я перелистывал какой-то иностранный журнал. Неожиданно мой взгляд упал на фотографию военных лет. В только что освобожденном Будапеште, в одном из залов бывшего президентского дворца, за роялем склонился молодой советский офицер в полевой форме с боевыми наградами. Что-то в его энергичном лице показалось мне знакомым. Под фотографией была подпись: «Капитан В. Захарченко».

Так открылась для меня еще одна страница биографии известного советского журналиста, публициста-бойца, душевного, скромного человека.

Судьба словно заранее загадала жизненные пути Василия Захарченко, дав ему и инженерное и литературное образование. О том, насколько плодотворно оказалось это сочетание, говорит любой из номеров популярнейшего журнала «Техника — молодежи», у руля которого он стоит вот уже добрых три десятка лет.

Трудно назвать какой-либо уголок на нашей планете, где не побывал бы В. Д. Захарченко. По числу совершенных над Землей витков его смело можно зачислить в отряд космонавтов.

Результатом всех этих поездок явились десятки книг — острых, боевых, полемичных.

Не менее известен Василий Захарченко и как общественный деятель — председатель комиссии по культурным связям Советского комитета защиты мира.

Меня всегда поражают жизнерадостность и кипучий оптимизм В. Захарченко. А ведь за всем этим еще и бессонные ночи творческих раздумий, ответы на тысячи писем читателей и почитателей его творчества, готовность по первому зову ринуться на помощь совершенно незнакомому человеку.

...Немного выпадает в космосе свободного времени. Как-то, пролетая над Кавказом и глядя на его ослепительно сияющие вершины, я вдруг вспомнил: а ведь зимой, буквально за полгода до своего шестидесятилетия, Василий Дмитриевич опять спустился на горных лыжах с вершины... самого Эльбруса!

Таков этот человек, и таким он будет всегда — поэтом, путешественником, мечтателем.

От всей души поздравляю моего друга со славным юбилеем.

В. СЕВАСТЬЯНОВ,
дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР

ВСЕ, ЧТО ЗАДУМЫВАЛ КОРОЛЕВ

Сбылось все, что вслед за Циолковским задумывал, а затем осуществлял в зарождавшейся и все более прочно становящейся на ноги, совсем молодой науке — космонавтике — Сергей Павлович Королев, гений, практически проторивший людям дорогу к звездам.

И сам он, и его труды, и даже имя его долгое время оставались неизвестными. Лишь немногие первопроходцы космоса знали С. П. Королева как Главного конструктора, взявшего на себя обязанности ученого и организатора одновременно. Для всех остальных он долгое время оставался личностью неведомой, почти легендарной.

Тем понятнее огромный интерес к документальному двухсерийному фильму «Главный конструктор», выпущенному Центральным ТВ на экраны наших телевизоров как раз в те дни, когда в космосе летала не одна ракета, населенная людьми. Их было сразу несколько: «Салют», «Союз» и «Аполлон».

Благодаря подробной, отлично смонтированной ленте телезрители получили возможность проследить за тем, как неотступно, с самого детства, с юности складывался и мужал удивительный характер ученого, при внешней мягкости неуступчивый, бескомпромиссный...

Становление духовного облика Королева шло, как мы увидели, не прекращаясь, всю его жизнь, начавшись романтическим и беззаботным, казалось бы, увлечением планеризмом. Сколько же этих летательных аппаратов — таких хрупких, почти игрушечных — было запущено Сережей Королевым ввысь в Коктебеле в давнюю, юношескую, довоенную пору...

Но и тогда это не было игрой! Шел сложнейший процесс познания нового, проникновения в новое, в котором Королев раскрылся как основоположник теории и зачинатель практики покорения космоса.

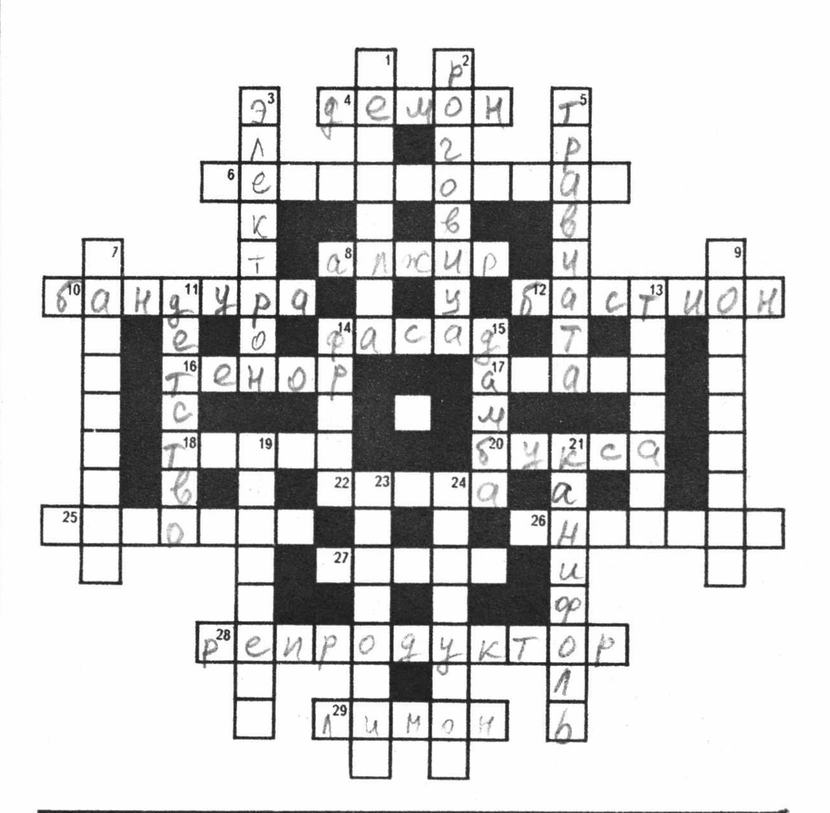
Разумеется, впоследствии у Сергея Павловича были и помощники и единомышленники; достаточно назвать «открытого» им Гагарина и всю последовавшую затем плеяду космонавтов. Но С. П. Королев был и оставался главной движущей силой, мозгом и энергией тех великих замыслов, тех грандиозных открытий, какие превращали жизнь ученого в единую цепную реакцию творчества.

Мы всматриваемся в простое, строгое, чаще всего замкнутое, думающее лицо необыкновенного человека. Простые русские черты. Разве только огромный лоб и большие печальные глаза делают это лицо неповторимым.

Авторы фильма (М. Володарский и Я. Голованов) пользуются только документальным материалом, только хроникой. Однако строгая стилистика ленты и убеждает более всего. Фильм не нуждается ни в малейшей беллетризации. Напротив, отсюда именно — от полной достоверности кинорассказа — и возникает огромность наших зрительских впечатлений. Рождается ощущение небывалой силы личности ученого, посвятившего себя целиком глобальным задачам своего времени.

И блистательно эти задачи осуществившего...

Н. ПАВЛОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Поэма М. Ю. Лермонтова. 6. Прибор, регистрирующий температуру, давление и влажность воздуха. 8. Государство в Африке. 10. Украинский музыкальный инструмент. 12. Крепостное укрепление. 14. Передняя сторона здания. 16. Мужской голос. 17. Приток Куры. 18. Птица отряда дятловых. 20. Коробка подшипника вагона. 22. Ритмическая единица стихотворной речи. 25. Немецкий композитор XIX века. 26. Озеро в США и Канаде. 27. Разветвление речного русла. 28. Громкоговоритель. 29. Цитрусовое дерево.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Растение с голубыми цветками. 2. Наружная оболочка глаза. 3. Элементарная частица. 5. Опера Дж. Верди. 7. Советский поэт. 9. Раздел геометрии. 11. Повесть М. Горького. 13. Область в Италии. 14. Автор романа «Остров пингвинов». 15. Гидротехническое сооружение. 19. Город в Литовской ССР. 21. Стекловидное вещество, получаемое из смолы хвойных деревьев. 23. Действующее лицо комедии А. П. Чехова «Чайка». 24. Русский теплотехник XVIII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Турандот». 8. Лицензия. 9. Овидий. 10. Индекс. 11. Асама. 14. Диалог. 16. Прииск. 17. Ворскла. 22. Мериме. 23. Терция. 24. Триод. 26. Камзол. 27. Баркас. 28. Интерьер. 29. Маргарин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гладиолус. 2. «Финансист». 3. Кулибин. 4. Бочка. 5. Цитра. 6. Витебск. 12. Сатуратор. 13. Маракайбо. 15. Гливице. 16. Парапет. 18. Спидометр. 19. Сортавала. 20. Сегмент. 21. Бисквит. 24. Тунец. 25. Декан.

На первой странице обложки: Товарищ Л. И. Брежнев подписывает Заключительный акт.

Фото С. СМИРНОВА.

На последней странице обложки: В лесу.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-28; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/VII — 75 г. А 00609. Подп. к печ. 5/VIII — 75 г. Формат 70 × 108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1894. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 891.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Плакат работы народного художника СССР Бориса ЕФИМОВА.

ЗА
МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ И
СОТРУДНИЧЕСТВО
ПРОТИВ РАЗРЯДКИ
БОЙТЕСЬ РАЗРЯДКИ!
РАЗРЯДКА ВЫГОДНА ТОЛЬКО СССР!
STOP!
Бор. Е. -75

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663